

ISSN 1829-4162

РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ

1
2024

Армянский государственный педагогический университет имени
Хачатура Абовяна
Армянская Ассоциация „Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук РФ

ISSN 1829-4162

Русский язык В Армении

Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում

Russian language in Armenia

2024

1 (118)

Ереван – 2024

Главный редактор – А. М. АМИРХАНИЯН

ORCID: 0000-0003-2810-2052

Ответственный секретарь – И. Ю. МАНУКЯН

ORCID: 0000-0002-1620-4302

Ответственный за номер – И. Р. САРКИСЯН

ORCID: 0000-0002-4377-1601

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Председатель общ-ва „Армения-Россия”, д.ф.н., профессор М. Д. Амирханян	А.В. Акоюн (ЕГУ) А.Ж. Арутюнян (ЕГУ) Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна) Г.Г. Барикян (Французский университет в РА) А.Г. Варданян (ГУ им. В.Я. Брюсова) М.М. Геворкян (АГПУ им. Х.Абовяна) И.Б. Геворкян (ОШ №131 им. П.Яворова) М.Е. Жапанова (Евразийский НУ имени Л.Н. Гумилева, РК) О.Б. Кафанова (Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций, РФ) М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ) В.В. Мадоян (НУАС Армении) Г.В. Маркосян („АЙБ” ОЦ) И.А. Орехова (Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, РФ) И.В. Приорова (РосНОУ, РФ) А. Репонь Anton Repoy (Университет им. Матяя Бела, Банска Быстрица, Словакия) С.Б. Самуэлян (ГУ им. В. Я. Брюсова) И.Р. Саркисян (ГУ им. В.Я. Брюсова) О.В. Спачиль (КубГУ, РФ) Е.Ю. Третьякова (КубГУ, РФ) А.Я. Хачикян (ГУ им. В. Я. Брюсова) К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ) Э.Ф. Шафранская (МГПУ, РФ)
Академик РАО, вице-президент АПСН, ректор МПСУ (РФ) С. К. Бондырева	
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д.п.н., профессор С. Р. Геворгян	
«Педагогический журнал» (РФ), д.п.н., профессор В. А. Доманский	
Председатель Ассоциации „Педагогическая инициатива” А. С. Испирян	
Проректор по учебно-научной работе АГПУ им. Х.Абовяна, к.п.н., доцент М. М. Испирян	
Академик АПСН М. А. Мкртчян	

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать М. Авазян

Խաչատուր Արուստի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան. «Ռուսաց լեզուն Հայաստանում». 2024. № 1 (118). – 122 էջ.

Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, РА. «Русский язык в Армении». 2024. № 1 (118). – 116 стр.

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Формат 70X100 1/16. Объем 116 стр.

Сдано в печать 20.11.2024 г.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտաստություն դեպքում հղումն անսազրի՛ն պարտադիր է:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ЛИНГВИСТИКА

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Г. ВАРДАНЯН

Государственного университета им. В.Я. Брюсова
anahit-1@mail.ru

Опосредованная картина мира – результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и художественная картины мира. Художественная картина мира – это вторичная картина мира. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения. Национальных языковых картин мира столько же, сколько языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной.

Ключевые слова: опосредованная картина мира, национальная картина мира, художественная картина мира, языковая модель мира.

Опосредованная картина мира – результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и художественная картины мира. *Художественная картина мира* – это вторичная картина мира. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя – при восприятии других произведений искусства). Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в

отборе элементов содержания художественного произведения, в отборе используемых языковых средств, в повышенной или пониженной частотности отдельных языковых единиц и в их индивидуальном использовании. В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие только данному авторскому восприятию мира – индивидуальные концепты писателя. Таким образом, язык выступает средством создания вторичной, художественной картины мира, которая отражает картину мира создателя художественного произведения. В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира – например, национальные символы, национально-специфические концепты. При этом следует всегда помнить, что художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира и опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

Языковую картину мира З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют как совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа [1: 4-13]. В.А. Маслова же считает, что язык служит основным способом формирования и существования знаний человека о мире. Совокупность знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как “языковая репрезентация мира”, то как “языковая модель мира”, то как “языковая картина мира” [2: 61]. К языковой модели мира обращался и Н.Ф. Алефиренко, рассматривая ее как результат концептуализации мировоззренческих категорий культуры, как языковое воплощение модели мира [см. 3]. Эту же идею развивает Н.И. Толстой в своей книге “Язык и народная культура”, где автор анализирует язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии и во многих случаях – единственный источник истории народа и его духа. Фундаментальной проблеме “Язык и культура” и подробной истории становления и решения этой проблемы обращался и А.Т. Хроленко [см. 4].

У З.Д. Поповой и И.А. Стернина перечислены, на наш взгляд, основные факторы, влияющие на формирование языковой картины мира (ЯКМ). Языковая картина мира создается:

1) *номинативными средствами языка* – лексемами, фразеологизмами, которые фиксируют то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности;

2) *функциональными средствами языка* – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств;

3) *образными средствами языка* – национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений;

4) *дискурсивными средствами языка* – специфическими средствами и стратегиями текстопостроения, особенностями стратегий и тактик коммуникативного поведения народа в стандартных коммуникативных ситуациях, приемами построения текстов разных жанров (например, афоризмов, анекдотов, рекламы и т.д.);

5) *стратегиями* оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов, текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или необразцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных и т.д.

Описание же языковой картины мира, как справедливо утверждают авторы, включает в себя:

- 1) описание “членения действительности”, отраженного языком в языковых парадигмах;
- 2) описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантически различия выявляются в сходных значениях в разных языках);
- 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка;
- 4) выявление эндемичных (существующих только в одном языке) единиц [1: 7].

По мнению же В.Г. Гака, под языковой картиной нужно понимать отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц. Изучение значений слов и грамматических форм в данной языковой системе в такой форме, в какой они представлены в словаре и грамматическом описании языка, недостаточно для формирования полного представления о языковой

картине мира данного народа, поскольку такой подход не позволяет вскрыть специфическую реакцию носителей языка на внеязыковую действительность, ведь языковое видение мира проявляется и при формировании высказывания, то есть в конечном счете в способе построения актуального (речевого) языкового знака. Однако вслед за В.Г. Гаком мы тоже находим, что особого внимания заслуживает и изучение того, какие стороны объективной действительности чаще всего отмечает говорящий на данном языке при порождении своего высказывания. И поэтому в структуре высказывания нужно выделять два основных аспекта: отражение предметной ситуации (диктум) и отражение речевой ситуации (модус).

О предметной ситуации можно сказать, что высказывание начинается с отбора элементов данного фрагмента ситуации, идентифицирующих признаков этих элементов и характера отношения между этими элементами. Говорящие на разных языках в силу лингво-психологических установок обращают внимание на различные элементы действительности, в связи с чем при порождении каждого высказывания формируется специфическая языковая картина мира [5: 40-42].

По В.А. Масловой, языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней. Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения: границы между ними кажутся зыбкими, неопределенными. Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, перерисовывается”, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений [6: 65]. То, как люди видят мир, проявляется не только в формах языка, но и в языковом поведении. У В.Г. Гака для объяснения различий в языковой картине мира выдвигаются два фактора: внешнеязыковой (эта специфика объясняется особенностями культуры, истории, характера соответствующего народа) и внутриязыковой (особенности устройства и внутренних тенденций самого языка). Внеязыковой фактор – внешний по отношению к языку и даже по отношению к говорящим.

Внутриязыковой – определяется свойствами языка и произвольным коллективным выбором говорящих. Язык не может отображать все возможные противоположения и отличия объектов действительности. Говорящие могут фиксировать одни различия и игнорировать другие [5: 40-42]. Фактически мы имеем дело с разными языковыми личностями.

Ю.Н. Караулов языковую личность определяет как личность, выраженную в языке (в тексте) и через язык [7]. Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных знаний, установок и поведенческих реакций, ценностей. Последние считаются наиболее фундаментальными характеристиками культуры, высшими ориентирами поведения и представляют собой личностно окрашенное отношение к миру [подробнее см. 8]. Многие авторы (В.А. Маслова, О.А. Корнилов и т.д.) считают, что картины мира в своей сути у разных людей одинаковы, поскольку человеческое мышление едино. Национальные языковые картины мира – это просто иное их “расцветивание”.

Специфические черты семантики, дифференцирующие язык от всех других языков, образуют не целостную *картину*, а некую мозаику и отнюдь не *мира*, а всего лишь отдельных его фрагментов. Поэтому ЯКМ в так называемом “дифференциальном” понимании логичнее было бы определять как совокупность национально-специфических отображений в данном языке отдельных фрагментов. А НЯКМ О.А. Корнилов определяет как запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово “видение” вкладываются понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание, а в понятие сущего – не только реальный материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием. Национальных языковых картин мира столько же, сколько языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной [9: 140]. Эту же идею высказал А.И. Арнольдов в книге “Введение в культурологию”: “Культура словно ожерелье из ряда культур-жемчужин. В духовно

взаимосвязанном мире каждая национальная культура многочисленными нитями неизбежно связана с другими и зависит от них. Помышлять о своей изолированной культуре – это не только дань национальному мещанству и бессмыслию, но и путь к губельному изоляционизму, самоубийственному для культуры любого народа” [10: 169].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
2. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, Наука, 2011. 295 с.
3. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта-Наука, 2010. 288 с.
4. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, 2008. 181 с.
5. *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. Сборник статей. М.: 2000, Вып. 1. С. 36-45.
6. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, Наука, 2011. 295 с.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: изд-во Наука, 1987. 264 с.
8. *Карасик В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 299 с.
9. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
10. *Арнольдов А.И.* Введение в культурологию. М.: 1993. 352 с.

REFERENCES

1. *Popova Z.D., Sternin I.A.* YAzyk i natsional'naya kartina mira. Voronezh: Istoki, 2007. 61 s.
2. *Maslova V.A.* Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku. M.: Flinta, Nauka, 2011. 295 s.
3. *Alefirenko N.F.* Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka. M.: Flinta-Nauka, 2010. 288 s.

4. *Khrolenko A.T.* Osnovy lingvokul'turologii. M.: Flinta, 2008. 181 s.
5. *Gak V.G.* Russkaya dinamicheskaya yazykovaya kartina mira // Russkiy yazyk segodnya. Sbornik statey. M.: 2000, Vyp. 1. S. 36-45.
6. *Maslova V.A.* Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku. M.: Flinta, Nauka, 2011. 295 s.
7. *Karaulov Yu.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: izd-vo Nauka, 1987. 264 s.
8. *Karasik V.I.* Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 299 s.
9. *Kornilov O.A.* Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: CheRo, 2003. 349 s.
10. *Arnol'dov A.I.* Vvedeniye v kul'turologiyu. M.: 1993. 352 s.

ԱՇԽԱՐՀԻ ԼԵԶՎԱԿԱՆ ՊԱՏԿԵՐՐ ԵՆ ԼԵԶՎԱԿԱՆ ԱՆՀԱՏԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԳԻՏԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՉ

Ա. Գ. ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ

Վ. Բրյուսովի անվան պետական համալսարան

Աշխարհի միջնորդավորված պատկերը երկրորդական խորհրդանշական համակարգերի կողմից կոնցեպտուալֆերայի ամրագրման արդյունք է, որը նյութականացնում է աշխարհի գիտակցության մեջ գոյություն ունեցող ուղղակի ճանաչողական պատկերը: Այդպիսին են աշխարհի լեզվական և գեղարվեստական պատկերները: Աշխարհի գեղարվեստական պատկերը աշխարհի երկրորդական պատկերն է: Այն առաջանում է ընթերցողի մտքում, երբ նա ընկալում է գեղարվեստական ստեղծագործությունը: Աշխարհի ազգային լեզվական պատկերներն այնքան շատ են, որքան լեզուները, որոնցից յուրաքանչյուրն արտացոլում է հավաքական էթնիկական գիտակցության դարավոր աշխատանքի եզակի արդյունքը տիեզերքում մարդու գոյության ընկալման և դասակարգման վրա:

***Բանալի բառեր.** աշխարհի միջնորդավորված պատկերը, աշխարհի ազգային պատկերը, աշխարհի գեղարվեստական պատկերը, աշխարհի լեզվական մոդելը:*

**THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AND THE LINGUISTIC
PERSONALITY IN THE SCIENTIFIC LITERATURE****A. G. VARDANYAN****V.Y. Bryusov State University**

The mediated picture of the world is the result of fixation of the conceptual sphere by secondary sign systems that materialize the immediate cognitive picture of the world existing in consciousness. These are the linguistic and artistic pictures of the world. An artistic picture of the world is a secondary picture of the world. It arises in the reader's mind when he perceives a work of art. There are as many national linguistic pictures of the world as there are languages, each of which reflects the unique result of the centuries-old work of collective ethnic consciousness on understanding and categorizing human existence in the Universe.

Key words: *mediated worldview, national picture of the world, artistic worldview, linguistic model of the world.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 февраля 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 30.05.2024.

ПРЕДИКАТЫ ПОЛОЖЕНИЯ: ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Л. Е. МАРКОСЯН
АГПУ им. Х.Абовяна
markosyanlevon04@aspu.am

Одной из важнейших задач современной лингвистики является классификация предикатов. Из этой проблемы вытекает другая, не менее важная, которой посвящена данная статья: определить принципы семантической классификации, выявить те признаки, которые позволяют описать природу исследуемых предикатов. Такой подход позволил выявить в работе основные семантико-синтаксические признаки, дифференцирующие предикаты положения и отделяющие их от акциональных и стативных предикатов.

Ключевые слова: предикат; классификация; положение; стативный; акциональный; актант; субъект; ситуация.

В современной лингвистической теории предикату аксиоматически приписывается статус конституирующего элемента предложения-высказывания. Лексико-грамматическая природа предиката во многом определяет не только макет, схему будущего предложения, но даже в определенной степени прогнозирует его лексический состав. В свете сказанного становится понятным тот не угасающий в лингвистике интерес к фундаментальной классификации предикатов, а также к выявлению лексико-грамматических и семантических признаков у отдельных предикатных типов, ведь, как справедливо отмечал Ю.Д. Апресян, «нет таких уголков предикатной лексики, организация которых была бы независима от нее» [2: 27]. Фундаментальная классификация предикатов соотносит семантический тип предиката с его лингвистическими свойствами [1: 3], шире – аспектуальными значениями, сочетаемостью, дистрибутивной избирательностью. Все это отражает и процесс лингвистического исследования, и его результат.

Базовые принципы классификации предикатов были заложены в трудах Л.В. Щербы [16], Ю.С. Маслова [10], З. Вендлера [6], У. Чейфа [15], Т.В. Булыгиной [5], Ю.Д. Апресяна [2; 3]. Предпринимавшиеся впоследствии предикатные классификации либо целиком опирались на идеи этих исследователей, либо являлись попытками (кстати сказать, не всегда удачными) развить эти идеи.

Однако, отдавая дань исторической справедливости, следует подчеркнуть, что работам всех перечисленных ученых предшествовал труд выдающегося древнегреческого философа Аристотеля “Категории”, которые Аристотель определил как «высшие сущности объективного бытия» [4] и которым сквозь призму современной лингвистики (семиологической грамматики) Ю.С. Степанов придал статус универсальных предикатов [14: 126 и сл.]. Как пишет Ю.С. Степанов, в узком смысле в древнегреческом языке слово «категория» означало «сказуемое» от глагола *сказывать, утверждать*, и в виде этих категорий Аристотелем перечислены, причем в определенном порядке, все формы сказуемого, которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка [14: 121].

В контексте тематики настоящей статьи нас будет интересовать в основном статус предикатов (глаголов) положения (далее – ПП) в этих классификационных схемах. Анализ наиболее значимых, на наш субъективный взгляд, классификаций предикатов позволил сделать следующий рабочий вывод: практически все исследователи, за редкими исключениями, относят глагольные предикаты положения к группе стативных предикатов (некоторые ученые для их номинации используют менее популярный термин “статальный”). Такой подход можно считать вполне оправданным, поскольку основополагающим, систематизирующим дифференциальным признаком у ПП признается признак “неактивность” (в смысле Д.Лакоффа [см. 17]). Лакофф обратил внимание на то, что синтаксический признак «стативности» нередко коррелирует с семантическим признаком «неактивность» субъекта предикации [Там же]. Как показывает анализ разных предикаций, такие признаки, как динамичность/статичность и контролируемость/неконтролируемость являются независимыми признаками, наличие одного не обуславливает обязательное

присутствие другого, хотя нередко эти признаки могут совпадать или пересекаться.

Нельзя не отметить, что признак «неактивность» играет важную характеризующую роль и в таксономии предикатов состояния, предикатов свойства, предикатов оценки. Отсюда следует, что для указанных предикатов этот признак является интегрирующим фактором, тогда как в сопоставлении с акциональными предикатами он служит дифференциальным признаком. Отсутствие единства во взглядах лингвистов на статус данной категории предикатов можно объяснить разными причинами: и несовпадением классифицирующих критериев, и диффузностью характера рассматриваемых предикатов, и научными установками авторов, и имеющими место терминологическими расхождениями, и «диатетическим сдвигом» [см. 12], обусловленным актантно-ролевым окружением, и возможным наличием имплицитивного внекадрового участника ситуации. К примеру, у Л.В. Щербы в его обобщенной классификации данная группа включена в класс «действие» или «состояние в виде действия» [16]. В классификации З. Вендлера, одной из наиболее влиятельных классификаций глаголов на аспектологической основе данный тип глагольных предикатов противопоставляется действиям, и их можно считать происшествиями, с которыми субъект выражает «ненамеренную агентивность» – термин Вендлера [6]. Е.В. Падучева включает ПП в класс деятельности [11: 128], а академическая Грамматика-80 считает их состояниями [8: 582].

Автор фундаментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресян выделяет ПП в отдельный класс пространственных положений, или просто положений [3: 29], в состав которых, помимо прототипических глаголов *стоять*, *сидеть*, *лежать*, включаются и менее типичные, у которых “родовой” семантический признак «положение» актуализируется лишь в определенных дистрибутивно ограниченных сочетаниях, ср. *выходить (окнами на запад)*, *торчать (из воды)* и т.п.

В капитальном труде Т.В. Булыгиной «К построению типологии предикатов в русском языке» глаголы положения, так же как предикаты состояния, выделены в класс нединамических (статических) явлений и на основании дихотомического семантического признака

вневременность/локализованность во времени (или эпизодичность) противопоставлены предикатам качества, куда входят свойства, предикаты обладания, а также такие предикаты, которым может быть приписана сема 'присущность', например: *Он умен* (= 'ему присущ ум'); *Он пьяница* (= 'ему присуще пьянствовать'); *Он любит мороженое* (= 'ему присуща любовь к мороженому'); *Он обладает абсолютным слухом* (= 'ему присущ абсолютный слух'). Таким образом, и ПП, и предикаты состояния включаются вместе с предикатами действия в класс предикатов с основополагающим признаком 'локализованность во времени', выступающим для этих предикатов как интегральный признак. В то же время ПП и предикаты состояния, с одной стороны, противопоставляются предикатам действия по дифференциальному признаку 'динамичность/нединамичность', с другой стороны, они отграничиваются друг от друга. Правда, автор посчитал необязательным для своей типологической классификации давать детальную аргументацию, доказывающую справедливость такого отграничения, хотя автором приводятся некоторые синтаксические тесты, блестяще подтверждающие различную природу рассматриваемых предикатных групп.

Возвращаясь к «Категориям» Аристотеля, отметим, что Стагирит под порядковым номером 7 выделяет категорию «Положение», которую определяет следующим образом: «это положение субъекта, являющееся его *состоянием или действием* (выделено нами – Л.М.), не выходящим за его собственные пределы – “не сидит где-то”, а просто “сидит”, “лежит”, “рождается» и т.п. [14: 127]. По этому определению видно, что Аристотель четко представляет различие между категорией «Положение» и категорией «Состояние»: первой он приписывает «состояние тела в пространстве (сидит, лежит), не составляющее принадлежности субъекта («субъект не обладает этим как свойством»), но и не переходящее на объект, вообще не выходящее за пределы субъекта [там же]; вторая категория «выражает состояние самого субъекта (его тела или духа), независимое от его положения в пространстве» [4; 13]. Великий философ прозорливо усмотрел двойственную, двустороннюю природу данных предикатов (а именно – ПП): одна сторона их обращена в сторону состояния и тянет в эту

группу, другая тянет их в сторону действия. Эта двойственность, отмеченная Аристотелем и не всегда принимаемая во внимание исследователями, и послужила основной причиной разночтений у лингвистов в их отношении к классификационному статусу исследуемой предикатной группы.

Вопрос о том, каково соотношение акциональности и стативности в семантико-грамматической структуре ПП, какой признак превагирует в этой структуре, нам представляется далеким от решения и продолжает оставаться весьма актуальным. Ниже мы рассмотрим комплекс семантико-синтаксических тестов, которые помогут внести некоторую ясность в этот далеко не однозначный вопрос.

С учетом диффузной природы предикатов положения в фокусе нашего внимания будут следующие направления исследования: ПП *vs* акциональные предикаты и ПП *vs* предикаты состояния (ПС).

ПП *vs* акциональные предикаты.

В выявлении сущностных свойств предикатных типов немаловажную роль играет их дистрибутивное окружение, актантно-ролевая структура. В этом отношении прототипические конструкции с указанными предикатами отражают следующую картину:

- акциональные предикаты (действия) многоактантные;
- предикаты положения двухактантные – агенс с одушевленным субъектом и пациенс с неодушевленным субъектом -1-й актант, локатив – 2-й актант;
- предикаты состояния обычно выступают как одноактантные с субъектом-пациенсом, однако способны наращивать и второй актант, причем у ментальных состояний последний может обозначать объект или содержание состояния, а у эмоциональных состояний – причину (*грустить из-за чего-либо*).

Отметим прежде всего признаки, общие для акциональных предикатов и ПП. 1-й, субъектный актант при ПП, выраженный одушевленным существительным, является агенсом – это отмечалось многими исследователями, в частности Т.В. Булыгиной; аспектолог из Санкт-Петербурга А. Горбов, подтверждая этот факт, делает из него весьма сомнительный вывод, что предикаты положения (и даже глагол состояния *спать*) не должны быть причислены к классу стативов [7:

164]. Этот вывод нам кажется сомнительным потому, – и об этом не следует забывать, – что агенсом в конструкциях с ПП могут быть только антропонимы. Для выявления агенса ключевым признаком является способность такого актанта сознательно инициировать и контролировать ситуацию, что не подвластно не только неодушевленным субъектам, но и одушевленным субъектам, выраженным зоонимами.

С семантическим признаком ‘агентивность’ связана сема ‘контролируемость’. Субъект-агенса в предложениях с ПП типа *Петр сидит за столом* совершает этот процесс вполне сознательно и по своему желанию может изменить ситуацию – встать, надеть пальто, выйти. В то же время качественно иной субъект (неантропоним) этими свойствами не обладает. Ср.: *Собака лежит на коврике* – понятно, что это не сознательная функция собаки, а скорее рефлекторная; и уж совсем недвусмысленно прозрачная ситуация с неодушевленным субъектом: *Книга лежит на столе* – в обоих случаях об агентивности и контролируемости говорить не приходится. Компонент сознательности, присущий высказываниям с акциональными предикатами, присутствует также в конструкциях с ПП (но опять-таки с субъектом-антропонимом), что подтверждается их способностью сочетаться с наречиями *нарочно, намеренно*, ср.: *Петр нарочно стоит у двери, чтобы показать свое желание уйти*. Об агентивности ПП свидетельствует и тот факт, что на вопрос *Что делает Петр?* может последовать ответ: *Петр сидит в кресле и читает*.

Неоднозначно ведут себя ПП и в грамматических формах и функциях. Известно, что форму императива прогнозируемо образуют акциональные предикаты, тогда как стативным предикатам, в частности предикатам состояния, эта форма совершенно чужда. ПП легко образуют и канонический императив во 2-м лице (ср. *сиди, стойте*), и вторичные способы выражения побуждения к действию: инфинитивный императив – *Стоять! Лежать!*; императив в форме прошедшего времени – *Сели! Легли!*; инклюзивный императив с глагольной частицей *давай (-те)*, правда, ПП здесь чаще всего выступают в делимитативном значении – *Давай посидим!*; с пермитивной частицей *пусть* – *Пусть стоит (постойт)!* Уместно отметить, что два первых случая не

характерны ни для класса акциональных предикатов, ни для предикатов состояния, ср. достаточно искусственные ситуации типа *Писать!* или *Грустить!*, а также фактически неупотребительные **Писали!* или **Грустили!* Однако и здесь следует оговориться, что “запретительные” формы инфинитивного императива в общем возможны с обоими типами предикатов: *Не писать! Не красить! Не грустить!*

К общим для акциональных предикатов и ПП можно отнести также следующие признаки:

- указанное выше значение делимитатива, ср. *почитал, повоевал* – делимитатив у акциональных предикатов, *постоял, полежал* – у ПП; отметим, что длительно-ограничительный способ действия акциональные предикаты могут выражать весьма избирательно (это в большей мере прерогатива событийных глаголов: *Петр прогулял уроки; Петр прождал друга два часа*), – чего не скажешь о ПП: *просидел, пролежал* (весь день), причем это значение они способны актуализировать и в конструкциях с неантропимичным субъектом: *Книга пролежала на полке целую вечность*;
- актуально-длительное значение, реализуемое в предложениях типа: *Смотрю: Петр режет хлеб* – акциональный предикат; *Смотрю: Петр сидит за столом и читает* – ПП.

Не менее, а на наш взгляд, более значимы отличительные особенности рассматриваемых типов предикатов – акциональных и ПП:

- у них разная актантная структура (см. выше);
- о принципиальном различии их свидетельствует тот факт, что в канонических конструкциях с двумя актантами (аргументами) ПП может быть подвергнут элиминации (*Петр лежит на диване* – *Петр на диване*), что практически невозможно без ущерба для информативной полноты в предложениях с предикатами действия, ср.: *Петр пишет за столом* информативно не равно предложению *Петр за столом*. Любопытно отметить некоторые параллели с армянским языком. В конструкциях, где в русском языке употребляется ПП, армянские аналоги обходятся без последних, причем это не перифраза и не трансформ, а базисное предложение; в них подчеркивается не характер (рас)положения, а сам факт

местонахождения, причем это касается как неодушевленных, так и одушевленных субъектов предикации;

- у прототипических стативов нет форм страдательного залога, в отличие от акциональных двухактантных предикатов – причина этого кроется в природе 2-го актанта у ПП: он не объектный, как того требует канонический страдательный залог, а преимущественно локативный;
- ПП не способны выражать профетическое значение (запланированное будущее), что говорит о неспособности субъекта соответствующего ПП инициировать ситуацию, и это, в свою очередь, свидетельствует о неагентивности субъекта; в то же время акциональные предикаты в целом этим свойством обладают, невозможность у последних употребляться с соответствующим значением объясняется скорее лексическими причинами, чем “классовым отторжением” от данного признака, ср.: *Завтра наши хоккеисты играют с канадцами; Завтра Петр возвращается из Москвы*, но невозможно **Завтра я стою у кинотеатра*;
- статические предикаты вообще и ПП в том числе не сочетаются с наречиями типа *быстро, поспешно, внезапно, вдруг*, которые являются обязательным дистрибутивным сопроводителем акциональных, динамических предикатов; то же можно сказать о наречиях *медленно, неспешно*, ср.: **Петр быстро стоял в середине комнаты* или **Он медленно сидел за столом*.

ПП vs предикаты состояния.

В подавляющем числе работ по данной тематике обе указанные группы предикатов безоговорочно отнесены к статическим (стативным) предикатам. Одним из немногих оппонентов данной научной позиции является А.А.Горбов, концепция которого нами упоминалась выше. Помимо этого общего свойства предикатов, можно отметить также некоторые другие, имеющие более частный характер и менее значимые для их характеристики:

- предикаты состояния и ПП в основной своей массе имеют дефектную видовую парадигму – они относятся к группе глаголов *imperfektiva tantum*, другими словами, не являются парными имперфективами к соответствующим глаголам совершенного вида;

- ПП не способны употребляться в конструкциях, выражающих общее суждение, сентенцию. Эта особенность роднит их с предикатами состояния: в классификации Т.В. Булыгиной оба предикатных типа отнесены к явлениям и выражают актуализованный во времени признак [5], и эта временная локализованность не позволяет им выступать в указанных конструкциях, в которых предиктируемый признак находится вне временной оси, что отличает их от предикатов свойства. Подобная дистрибутивная особенность ПП и ПС естественным образом обуславливает вытекающую из нее другую их отличительную черту: они не могут сочетаться с субъектом, выражающим родовое значение и требуют в качестве субъекта конкретного референта, имени идентифицирующей семантики – имена собственные, определенные дескрипции, местоимения, ср.: *Он (Петр, мой сосед) пьян; Он (Петр, мой сосед) сидит на лавочке;*
- указанный выше признак имеет важное системообразующее значение: из него вытекает и такая особенность обоих предикатных типов, как несовместимость сочетаний с кванторными местоимениями *любой, всякий*, которые уже своей семантикой “всеобщности” лишают термы конкретной референции, что приводит к противоречию с признаком, описанным в предыдущем пункте, ср.: **Любой студент стоит у доски.*

Приведенный перечень общих признаков, совпадающих у ПП и ПС, вовсе не означает, что у них нет существенных различий; на наш взгляд, число и значимость последних в целом перевешивает признаки сходства. Отметим самые основные дифференцирующие признаки:

- как уже отмечалось выше, субъект при ПП может быть агентивным (справедливости ради отметим, что это имеет место только при антропонимичном субъекте), в то же время субъект у ПС всегда страдательный, “претерпевающий” [см. 13; 9]. Данный разграничительный признак обуславливает два важных момента:
- а) предложения с ПС можно рассматривать как ответы на вопрос *Что с X – ом?*, а в отношении ситуаций с ПП можно задать вопрос *Что делает X?*;

- б) страдательность состояний предполагает имплицитное (внекадровое) присутствие скрытого семантического падежа причины, вызвавшей данное состояние, что совсем не обязательно для ситуаций с ПП: *Петр возбужден* – что-то ведь привело Петра в возбужденное состояние;
- из неагентивности субъекта состояния вытекает, что состояние неконтролируемо и не требует энергии для своего поддержания, вместе с тем, как справедливо отмечалось разными лингвистами [13: 124 и сл.], состояния длятся, а не протекают, тогда как положения именно протекают во времени и могут изменяться: *Он стоял пять минут и ушел*;
 - у ПП может быть актуализировано длительно-ограничительное значение (см. выше), ПС этого значения реализовать не могут, ср.: **Он прогрустил всю неделю*. Способность глагола *думать* образовать подобную форму объясняется просто: глагол выражает здесь не состояние, а ментальное действие: *Он продумал эти варианты*;
 - ПП обозначают нахождение в пространстве, что не связано с какой-либо формой деятельности, они всего лишь выражают характер (рас)положения в этом пространстве, вследствие этого они могут быть подвергнуты элиминации: *Петр лежит в постели* – *Петр в постели*, где информативная потеря минимальна, в то же время в предложениях с глаголами состояния элиминация либо невозможна, либо свидетельствует совсем о другой ситуации.

Проведенный анализ семантико-синтаксического поведения предикатов положения выявил важную таксономическую особенность этого класса предикатов: ПП имеют ярко выраженную диффузную природу – целый ряд классифицирующих признаков объединяет их с акциональными предикатами, с одной стороны, и одновременно они имеют комплекс существенных признаков, которые роднят их с предикатами состояния – с другой. Однако и с теми, и другими классами предикатов ПП имеют значительные сущностные расхождения, не позволяющие включать их в состав указанных классов. ПП являются неким промежуточным классом между ними, своеобразным мостиком, ведущим от одного класса к другому. И это

дает им право быть выделенными в самостоятельный, отдельный класс и занять свою заслуженную нишу в классификационной системе предикатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян В.Ю.* Контроль и отрицание: взаимодействие значений // ВЯ, № 2, 2014.
2. *Апресян Ю.Д.* Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006.
3. *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. М.: Языки славянской культуры, 2009.
4. *Аристотель.* Категории // Аристотель. Соч. В 4-х тт., т.2. М., 1978.
5. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
6. *Вендлер З.* Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987.
7. *Горбов А.А.* Глаголы действия и состояния: актантная структура и акциональная характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, вып. 3, 2009.
8. Грамматика-80. Русская грамматика. Т. 1-2. Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
9. *Маркосян Л.Е.* Семантика и синтаксис предикатов состояния. Автореферат ... канд. дисс. М., 1985.
10. *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР, СЛЯ, № 4, 1948.
11. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996.
12. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. *Селоверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
14. *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.
15. *Чейф У.* Значение и структура языка. М.: Наука, 1975.
16. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М-Л, 1974.
17. *Lakoff G.* Linguistics and natural logic // Synthese, 1970, v. 22.

REFERENCES

1. *Apresyan V.Yu.* Kontrol' i otritsaniye: vzaimodeystviye znacheniy // VYA, № 2, 2014.
2. *Apresyan Yu.D.* Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov // YAzykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2006. 3. *Apresyan Yu.D.* Issledovaniya po semantike i leksikografii. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2009.
4. *Aristotel'.* Kategorii // *Aristotel'.* Soch. V 4-kh tt., t.2. M., 1978.
5. *Bulygina T.V.* K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke // Semanticheskiye tipy predikatov. M.: Nauka, 1982.
6. *Vendler Z.* Fakty v yazyke // *Filosofiya. Logika.* YAzyk. M.: Progress, 1987. 7. *Gorbov A.A.* Glagoly deystviya i sostoyaniya: aktantnaya struktura i aktsional'naya kharakteristika // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Ser. 9, vyp. 3, 2009.
8. *Grammatika-80.* Russkaya grammatika. T. 1-2. Otv. Red. N.YU. Shvedova. M.: Nauka, 1980.
9. *Markosyan L.Ye.* Semantika i sintaksis predikatov sostoyaniya. Avtoreferat ... kand. diss. M., 1985.
10. *Maslov Yu.S.* Vid i leksicheskoye znacheniy glagola v russkom yazyke // *Izv. AN SSSR, SLYA,* № 4, 1948.
11. *Paducheva Ye.V.* Semanticheskiye issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 1996. 12. *Paducheva Ye.V.* Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2004.
13. *Seloverstova O.N.* Vtoroy variant klassifikatsionnoy setki i opisaniye nekotorykh predikativnykh tipov russkogo yazyka // *Semanticheskiye tipy predikatov.* M.: Nauka, 1982.
14. *Stepanov Yu.S.* Imena. Predikaty. Predlozheniya. M.: Nauka, 1981.
15. *Cheyf U.* Znacheniy i struktura yazyka. M.: Nauka, 1975.
16. *Shcherba L.V.* YAzykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'. M-L, 1974.
17. *Lakoff G.* Linguistics and natural logic // *Synthese,* 1970, v. 22.

ԳԻՐՔԻ ՍՏՈՐՈԳԻՉՆԵՐ.
ՆՈՒՅՆԱԿԱՆԱՑՄԱՆ ԲՆՈՒԹԱԳՐԻՉՆԵՐ

Լ. Ե. ՄԱՐԿՈՍՅԱՆ

Խ.Արովյանի անվան ՀԳՄՀ

Ստորոգիչների դասակարգումը՝ ժամանակակից լեզվաբանության կարևորագույն խնդիրներից է: Այդ խնդրից հետևում է մեկ ուրիշ, ոչ պակաս կարևոր հարց, այն է. ճշգրտել այդ ստորոգիչների իմաստային դասակարգման սկզբունքները, ի հայտ բերել և նկարագրել դրանց բնորոշող հատկանիշները: Կիրառելով այդ մոտեցումը ներկայացվող հոդվածում՝ մենք ներկայացնում ենք դիրքի ստորոգիչների այն հիմնական իմաստա-շարահյուսական հատկանիշները, որոնցով դրանք տարբերվում են ակտիվ գործողության և իրավինակի ստորոգիչներից:

Բանալի բառեր. ստորոգիչ, դասակարգում, դիրք, իրավինակ, գործողություն, գործիչ, սուբյեկտ:

THE POSITIONAL PREDICATES:
PARAMETERS OF IDENTIFICATION

L.Y. MARKOSYAN

Khachatur Abovyan ASPU

One of the most important tasks of modern linguistics is classification of predicates. This problem leads to another, no less important problem, which the present article is about – to define the principles of semantic classification, to highlight the features that make it possible to describe the nature of the predicates under examination. This approach allows us to foreground in this work basic semantic and syntactic features that single out positional predicates and differentiate them from action and stative predicates.

Key words: predicate, classification, positional, stative, action, actant, subject, situation.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 апреля 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 30.05.2024.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ТИП ДИСКУРСА В РАКУРСЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ

К. Г. МУРАДЯН
ЯЗЫКОВОЙ ЦЕНТР «English whith Laura»
christinamuradyan24@gmail.com

В статье рассматривается многоаспектность видов военно-политического дискурса, который является совокупностью конкретных текстов, зависящих от речевой деятельности личности в военной сфере. Выявляются особенности восприятия подобных текстов с определенными лексическими и направленными стилистическими приемами речетекста, направленных на массовую аудиторию и влияющих на формирование конкретной реальности в общественном сознании.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, стилистика предложения, многомерность и трансформация речи.

Военно-политический дискурс определяется как явление многоаспектное. Его можно определить как совокупность конкретных текстов, являющих собой продукт речевой деятельности индивида в сфере военных действий. Общеизвестно, что во всех видах дискурса существуют как отправитель речевого сообщения, так и адресат. В настоящее время военный дискурс представлен в основном медиа текстами, характеризующимися широкой направленностью на массовую аудиторию. Эти медиа-тексты используются, как правило, в качестве определенных инструментов как описания, так и создания соответствующей социальной реальности.

Военный дискурс представляется нам одним из самых сложных и многомерных. Выделение современного военного дискурса как отдельного вида характеризуется как определенной сложностью, так и относительной новизной.

Специфика современного военного дискурса сложилась в результате длительной эволюции. Появились новые подвиды военного дискурса, которые отразили особую специфику отношений между представителями военного сообщества. В настоящее время можно конста-

тировать расширение числа соприкосновений военного дискурса с иными видами дискурса. Более того, произошли серьезные изменения в жанровой природе военного дискурса, которые расширили его коммуникативные возможности. Всеобщие глобализационные процессы и становление новых военно-политических отношений привели к существенному расширению поля военной деятельности. Экстралингвистические факторы не могли не повлиять на лексику военного дискурса, а также на формирование неологичных лексических единиц. Таким образом, лексические трансформации отражают специфику эволюции военного дела.

На современном этапе военный дискурс можно охарактеризовать рядом особенностей, а именно:

- *выделением новых разновидностей военного дискурса,*
- *исследованием его интердискурсивной и полидискурсивной природы,*
- *анализом влияния сетевых ресурсов на функционировании военного дискурса.*

В целом, военный дискурс правомерно можно считать самостоятельным видом дискурса.

Особое место военно-политического дискурса среди других видов дискурса обусловлено его (военного дискурса) уникальными особенностями, специфическими речевыми стратегиями, а также соответствующими манипулятивными технологиями, которые используются в каждом конкретном типе дискурса. Так, согласно О.В. Соколовой, гибридизация военного дискурса непосредственно связана с когнитивными способностями человека, его стремлением создавать и воспринимать гибридные объекты [3, 50-86]. Таким образом, потенциал воздействия исследуемого военного дискурса увеличивается, равно как и арсенал лингвистических методов манипуляции массовым сознанием.

В.И. Карасик предложил типологическую характеристику военного дискурса, опираясь на которую исследователи Т.Н. Хомутова и К.А. Наумова определили его особенности:

- ✓ *большая открытость по отношению к военному дискурсу и меньшую по отношению к политическому;*
- ✓ *тематика ориентирована непосредственно на международные отношения;*

- ✓ элитарность (участвуют главы государства и руководители военных ведомств);
- ✓ стратегия на понижение/повышение (возвышение над противником, увеличение своего статуса и уменьшение статуса противника, дискредитация) и стратегия театральности (эмоциональное воздействие на население);
- ✓ мессианские установки (спасение, улучшение ситуации, защита границ; цель военно-политического конфликта определяет его ценности) [4, 49-53].

К ключевым схемам осмысления военно-политического дискурса относятся выделенные учеными категории:

- иерархии (социальная, этическая, политическая);
- системы оппозиций («мы-они», «добро-зло»);
- прогрессивный – регрессивный комплексы; различные модели действительности (органическая модель, механическая модель);
- сакральное или секулярное понимание мира
- причинно-следственные схемы (осмысление действительности в причинно-следственных связях) [2, 106-108].

А фрейминг осуществляется конкретно с помощью метафоры и соответствующего примера. Отметим, что основной, с нашей точки зрения, для военно-политического дискурса концепт «война» вызывает, естественно, негативные ассоциации. Поэтому с целью придания военным действиям видимость правовых и оправданных, говорящий осуществляет рефрейминг, используя для манипуляции аудиторией специальные определения, например, такие как «предотвращение гуманитарной катастрофы», «антитеррористическая операция», «борьба за независимость», «восстановление конституционного порядка», «принуждение к миру» и т.д.

Специальные манипулятивные технологии, которые основаны на подмене определенных понятий, а также снятии негативной валентности, создают для получателя информации эффективную искусственную дискурсивную реальность. Это происходит таким образом, что из текста военной тематики убирается практически все негативные лексические единицы (война, жертвы, гибель, уничтожение, ужас, страдание и пр.). После этого в этот же текст вводятся термины,

имеющие уже положительную (или нейтральную) окраску. Эти термины взяты не из военной лексики (конфликт, нейтрализация, умиротворение, спорная ситуация локализация, гуманитарная помощь и др.)» [1, 99-104].

Ученые-лингвисты считают, что главное манипулятивное воздействие осуществляют именно средства массовой коммуникации с помощью военно-политического дискурса. Это происходит за счет всевозможных эффективных методов преподнесения соответствующей информации: фрагментирование информации, ее насыщение негативно или позитивно – в зависимости от задач – окрашенными лексическими единицами, пропагандистское преподнесение материала. Все это заставляет адресата отождествлять себя с одной из сторон, а также противопоставлять себя второй, в силу чего можно охарактеризовать применение военно-политического дискурса в средствах массовой коммуникации как самостоятельный метод ведения военных действий, основным «оружием» которого является язык. Именно поэтому именно комплексный дискурс-анализ может определить характерные особенности манипулятивного дискурса, а также его возможности воздействия на целевую аудиторию, чтобы своевременно принять меры, которые смогли бы нивелировать манипуляцию.

Итак, военно-политический дискурс можно характеризовать не просто как языковое отражение действительности. Это вполне автономная дискурсивная деятельность, особым образом воздействующая на сознание целевой аудитории и на реальность, в которой мы живем. Военно-политический дискурс влияет на нас с помощью всевозможных лингвистических средств манипуляции. Это происходит, в первую очередь, с помощью метафор, которые могут провоцировать рефрейминг, переоценку военно-политической деятельности и реалий, сложившихся в ее результате, порождающих острую необходимость анализа данных дискурсивных практик с целью блокирования манипуляции сознанием общественности.

Можно констатировать, что специфика военно-политического дискурса непосредственно связана с его гибридным характером, придающим ему характерные особенности, не свойственные ни военному, ни

политическому типу дискурса, а также с манипулятивными технологиями и специфическими речевыми стратегиями.

Специфическими особенностями военно-политического дискурса являются:

- стратегия театральности, ориентированная на международные отношения.
- элитарность,
- стратегия на понижение/повышение
- большая открытость в сравнении с военным дискурсом и меньшая в сравнении с политическим,
- мессианские установки.

Военно-политический дискурс может реализоваться непосредственно через:

- иерархии,
- причинно-следственные схемы,
- системы оппозиций,
- сакральное или секулярное понимание мира,
- различные модели действительности,
- использование манипулятивных технологий, преимущественно через средства массовой коммуникации,
- фрейминг, осуществляемый посредством метафор и примеров.

Таким образом, военный дискурс можно рассматривать не как простое языковое отражение действительности, а как вполне автономную дискурсивную деятельность, воздействующую непосредственно на сознание целевой аудитории, а также на реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачурин В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4.
2. Мавлеев Р.Р. Проблемы концептуализации в военно-политическом дискурсе // Регион и мир. 2017. Т. VIII. № 1.
3. Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического текстов // Слово.ру: балтийский

акцент. 2020. Т. 11. № 1.

4. Хомутова Т.Н., Наумова К.А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14. № 3.

REFERENCES

1. Bachurin V.D. Manipulyativnyye tekhnologii, primenyayemye SMI v sovremennom voyenno-politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4.
2. Mavleyev R.R. Problemy kontseptualizatsii v voyenno-politicheskom diskurse // Region i mir. 2017. Т. VIII. № 1.
3. Sokolova O.V. Gibridnyye teksty kak forma vzaimodeystviya avangardnogo khudozhestvennogo i politicheskogo tekstov // Slovo.ru: baltiyskiy aktsent. 2020. Т. 11. № 1.
4. Khomutova T.N., Naumova K.A. Voyenno-politicheskiy diskurs kak osobyy tip diskursa // Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika». 2017. Т. 14. № 3

ՈՎՉՄԱՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԴԻՍԿՈՒՐՍԸ ՈՐՊԵՍ ՀԱՏՈՒԿ ԼԵՉՎԱԿԱՆ ՄԱՆԻՊՈՒԼԱՑԻԱՆԵՐԻ ՏԵՍԱԿ

Կ. Գ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

"Անգլերենը Լատուրայի հետ" Լեզվի կենտրոն

Հոդվածում քննարկվում է ռազմաքաղաքական դիսկուրսի տեսակների բազմաչափությունը, որը իրենից ներկայացնում է կոնկրետ տեքստերի մի շարք, որոնք կախված են ռազմական ոլորտում անհատի խոսքի ակտիվությունից: Բացահայտվում են զանգվածային լսարանին ուղղված և հանրային գիտակցության մեջ կոնկրետ իրականության ձևավորման վրա ազդող խոսքային տեքստի որոշակի բառային և ուղղորդված ոճական տեխնիկայով նման տեքստերի ընկալման առանձնահատկությունները:

Բանալի բառեր՝ ռազմաքաղաքական դիսկուրս, նախադասության ոճ, խոսքի բազմաչափություն և փոխակերպում:

MILITARY-POLITICAL DISCOURSE AS A SPECIAL TYPE OF DISCOURSE IN THE PERSPECTIVE OF LINGUISTIC MANIPULATIONS**K. G. MURADYAN****«English with Laura» Language Center**

The article examines the multidimensionality of types of military-political discourse, which is a set of specific texts that depend on the speech activity of an individual in the military sphere. The peculiarities of the perception of such texts with certain lexical and directed stylistic techniques of speech text, aimed at a mass audience and influencing the formation of a specific reality in the public consciousness, are revealed.

Key words: *military-political discourse, sentence style, multidimensionality and transformation of speech.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 6 января 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 27.04.2024.

АРМЯНСКАЯ РУСИСТИКА СЕГОДНЯ¹

С. З. ШЕЙРАНЯН

Национальный университет архитектуры
и строительства Армении
sheyserg@mail.ru

Русский язык и русская культура, как и прежде, играют видную роль в общественной и духовной жизни армянского народа. В университетах, научно-исследовательских институтах языка и литературы проводятся исследования по русскому языку, русско-армянской типологии языка, издаются и переиздаются двуязычные словари. Общая направленность лингвистических исследований по русистике в Республике Армения педагогическая, поскольку первоочередной задачей армянских лингвистов является создание оптимальных учебников и учебных пособий для школ и вузов. Проводятся ежегодные конференции по проблемам современной лингвистики, теории и практики преподавания русского языка в школах и вузах республики.

Ключевые слова: слово, словарь, учебник, лексикография, язык, русист, русистика, школа, вуз, университет.

Несмотря на изменение политической обстановки и военные действия в Закавказье, армянская наука, в том числе гуманитарная, продолжает развиваться, и одной из основных ее составляющих остается русистика.

Русский язык и русская культура даже после распада СССР играют существенную роль в политической, научной и духовной жизни Республики Армения. И хотя функциональное поле русского языка значительно сократилось, подавляющее большинство русскоязычных изданий функционирует, а в средних и высших учебных заведениях русский язык преподается в качестве обязательного иностранного языка. Немало в республике и школ с углубленным изучением русского языка, где преподавание ведется по учебным программам и учебникам РФ.

¹ Статья опубликована в журнале «Филологические науки». 2024. Выпуск № 2. Том 2. С. 3-8. DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.003. Печатается с согласия автора.

В целом на кафедрах русского языка и русской литературы университетов, в НИИ языка им. Р. Ачаряна и НИИ литературы им. М. Абе-гяна, в различных учреждениях системы просвещения Армении проводятся исследования по русскому языку, русско-армянской типологии, издаются и переиздаются двуязычные словари. Важные функции выполняют новые, современные центры русского языка и культуры и центры обучения русскому языку, созданные при Ереванском университете языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова, при Национальном университете архитектуры и строительства Армении, при Российско-Армянском (Славянском) университете. Большую роль в пропаганде русского языка и литературы сыграло открытие в 2015 г. в Ереване филиала МГУ имени М.В. Ломоносова.

Общая направленность лингвистических исследований по русистике педагогическая, поскольку первоочередной задачей армянских лингвистов является создание оптимальных учебников и учебных пособий для школ и вузов, которые позволили бы, по крайней мере, сохранить в Армении тот уровень владения русским языком, которого удалось достичь при советской власти. Один раз в четыре года в республике проводятся конкурсы на создание школьных учебников (для всех без исключения классов). Отбираются прежде всего такие труды, которые нацелены на коммуникативное обучение с опорой на речь, на живое общение. Учебники утверждаются Министерством образования, науки, культуры и спорта Республики Армения, однако преподавателю почти всегда дается право выбора (естественно, в определенном диапазоне и в строгом соответствии с программой); он даже может выбрать старый вариант, если находит способ представления материала в нем более удачным, более подходящим для данных конкретных условий. На сегодняшний день в армянских школах пользуются учебниками наших ведущих специалистов по методике преподавания русского языка Н.А. Байбуртян, И.К. Манучарян, Т.А. Бабаяна, И.Л. Мелик-Оганджян, Л.Г. Баласанян и др. Особо следует отметить деятельность покойной Б.М. Есаджанян, одного из ведущих специалистов в СССР, подготовившей в Армении целую плеяду прекрасных педагогов-русистов, создавшей свою школу педагогической

русистики, которая как в советскую эпоху, так и сейчас считается одной из передовых в мире.

Создание вузовских учебников во многом является прерогативой самих вузов, ввиду чего за последние 30 лет появилось более 150 различных вариантов учебников и учебных пособий по русскому языку для вузов. В основном такое разнообразие обусловлено тем, что не только каждый вуз, но и каждый отдельный факультет старается иметь свой учебник, связанный со специальностью студентов. Многие работы создаются при непосредственном участии московских коллег. Например, учебное пособие «Русский язык (для студентов гуманитарных факультетов армянских вузов)» В.В. Мадояна издан под редакцией известного советского ученого-русиста И.С. Улуханова. В 2023 г. на международном конкурсе, посвященном 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского, который проводился в МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства просвещения РФ, Общества русской словесности и МАПРЯЛ, курс лекций «Русский разговорный стандарт» д-ра филол. наук, проф. Л.Б. Матевосян был признан лучшим [8].

В поддержку научным и методическим исследованиям армянских русистов в Армении издаются журнал «Русский язык в Армении», основанный д-ром пед. наук, проф. Б.М. Есаджанян, журнал «Проблемы современной русистики» (издательство Ереванского филиала МГУ, главный редактор И.Р. Саркисян), «Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета» и др. Широкие возможности армянским ученым предоставляет и российская научная периодика. Это прежде всего международный журнал «Филологические науки. Научные доклады высшей школы», «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология», «Вестник Московского государственного лингвистического университета», «Вестник Российского университета дружбы народов», «Alma Mater (Вестник высшей школы)» и др. Неоценимую роль в интеграции армянской русистики в русистику мировую играют международные конференции, которые проводятся как в Армении, так и (с участием наших ученых) в России и других бывших республиках Советского Союза. Очень активно работают с нашими русистами ученые Северо-Кавказского

федерального университета (г. Ставрополь), Сибирского государственного университета им. М. Решетникова (г. Красноярск), Тюменского индустриального университета и отмеченных уже московских вузов.

Ежегодные конференции по проблемам общего и русского языкознания, сопоставительно-типологического изучения языков, методики преподавания русского языка в школах и вузах Армении проводятся в Ереванском государственном университете, Армянском педагогическом университете им. Х. Абовяна, Ереванском государственном университете языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова, в Российско-Армянском (Славянском) университете, в университетах городов Гюмри, Ванадзор, Гавар. Так, в октябре 2023 г. в Российско-Армянском (Славянском) университете состоялись две международные конференции: «Русский язык на перекрестке эпох» и «Евразийский форум». В работе последней приняли участие канд. филол. наук К.С. Акопян с докладом «О состоянии русистики в Армении», д-р пед. наук И.Р. Саркисян с докладом «Проблемы билингвизма в Армении» и доцент В.А. Григорян с докладом «Инновационные методы обучения».

26–27 октября 2023 г. в ЕГУ состоялась научно-практическая конференция «Русский язык в Армении: вызовы и перспективы», посвященная году русского языка в странах СНГ и 15-летию со дня основания русского центра ЕГУ. Конференция была проведена силами Русского центра и факультета русской филологии ЕГУ, Армянской ассоциации русистов и Армянской ассоциации учителей русского языка и литературы с участием фонда «Русский мир». В выступлениях докладчиков были рассмотрены актуальные проблемы русской лингвистики, теории и истории русской литературы, теории и практики перевода, вопросы преподавания русского языка как иностранного. В работе конференции приняли участие более ста русистов из Армении, Грузии, России, Болгарии, Словакии, Германии, Китая и других стран.

Ереванский центр русской науки и культуры Россотрудничества ежегодно проводит международные конференции по теме «Русский язык — гарант диалога культур, научного сотрудничества, межнационального и межличностного общения XXI века» (первую

такую конференцию организовал большой друг армянского народа проф. В.В. Кривоусков). Ассоциация выпускников вузов СССР (России) в марте 2023 г. провела ежегодную XVI Республиканскую олимпиаду студенческих работ по русскому языку (председатель ассоциации д-р тех. наук, проф. О.В. Токмаджян, исполнительный директор д-р филол. наук, проф. В.В. Мадоян). В апреле 2023 г. в Ереванском филиале МГУ состоялась ежегодная международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов — 2023», где, в частности, были прочитаны интересные доклады по лингвистике текста.

Не оставляют без внимания наши ученые и такое крупное событие в жизни мировой русистики, как конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Так, в работе XV Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в меняющемся мире», который состоялся 12–16 сентября 2023 г. в Санкт-Петербурге, приняли участие преподаватели нескольких университетов Армении.

Большая научная работа проводится под руководством ведущих русистов Армении: В.В. Мадояна, С.Т. Золяна, Л.Б. Матевосян и др. В 2016 г. по решению ученого совета Института языкознания РАН была издана монография д-ра филол. наук, проф. В.В. Мадояна «Значение и мысль в статике и динамике двух языков» (под редакцией чл.-корр. РАН В.М. Алпатова). Монография В.В. Мадояна и С.З. Шейраняна «Стилистическое развитие речи в идеологических конфликтах конца XX — начала XXI века (на материале русского и армянского языков)» была издана в Москве и Германии в 2020 г. В том же году в Москве вышла в свет монография д-ра филол. наук, проф. С.Т. Золяна «О смысле, тексте и истории».

Активную работу по пропаганде русской литературы, русско-армянских литературных связей и русско-армянской дружбы выполняет Центр русского языка и культуры ЕГУ им. В.Я. Брюсова под руководством д-ра филол. наук, проф. М.Д. Амирханяна, который является также председателем общества «Армения — Россия». Усилиями Центра проведено уже 20 ежегодных международных конференций с участием ученых из вузов и культурных центров России, Германии, Италии, Франции, Словакии, Польши, Грузии, Беларуси, Казахстана и других

стран под единым девизом: «Русская и национальные литературы». Уже проведены фундаментальные научные форумы по творчеству Н.М. Карамзина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.А. Булгакова, М.А. Шолохова, Б.Л. Пастернака, А.А. Ахматовой, А.И. Солженицына.

Конференции посвящаются творчеству писателей, как правило, в связи с юбилеями. Например, 28–30 сентября 2023 г. состоялась конференция «В.В. Маяковский: русская и национальные литературы (к 130-летию со дня рождения поэта)» [9], организованная совместно с Институтом гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Для участия в конференции поступило около 60 заявок от исследователей из России, ближнего и дальнего зарубежья. Активно вовлечены в эту работу и армянские ученые. Так, М.И. Мелкумян приняла участие во всех 20 конференциях (как и Л.А. Басилая из Грузии), А.Г. Долуханян — в двенадцати, В.В. Мадоян и С.З. Шейранян — в девяти и т.д.

Благодаря Центру русского языка и культуры в 2016–2020 гг. были переизданы сборники «Поэзия Армении» под редакцией В. Брюсова (первое издание 1916 г. значительно дополнено историческими справками и литературоведческими комментариями, а также архивными материалами), «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (первое издание 1897 г.), составлен сборник «Армения в зеркале русской поэзии» [2] и др. За большой вклад в развитие армяно-российских культурно-гуманитарных связей в 2022 г. проф. М.Д. Амирханян указом Президента Российской Федерации В.В. Путина был награжден медалью Пушкина.

В Университете им. В.Я. Брюсова успешно функционирует специализированный совет ВАК РА по специальности «Славянские языки».

Переходя к разговору о лексикографических трудах, следует отметить, что первый русско-армянский переводный словарь был создан еще до установления советской власти в Армении: в 1906 г. вышла в свет работа Г. Дагбашьяна «Полный русско-армянский

словарь» [5], которая фактически решала в тот период проблемы, связанные с использованием армянами русскоязычной литературы. С первых же дней советской власти в Армении проводилась огромная работа в области лексикографии, в частности по созданию русско-армянских и армяно-русских словарей. До 1990 г. эта работа велась в Институте языка им. Р. Ачаряна, где и были созданы четырехтомный Русско-армянский переводной словарь [1] и знаменитый однотомный Русско-армянский словарь А. Гарибяна (около 100 тыс. слов и словосочетаний) [4] на основе Толкового словаря русского языка (в 4 т.; под ред. проф. Д.Н. Ушакова). Словарь А. Гарибяна был издан к «пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало национальному возрождению армянского народа» [Там же. С. 2] и с тех пор выдержал три издания. Несомненной заслугой составителя словаря можно считать его стремление дать слово во всей полноте значений и смысловых оттенков. Не совсем обычным для того времени было и обилие иллюстративных примеров в виде типичных моделей сочетаемости, фразеологизмов, пословиц, поговорок и даже целых предложений (в том числе из художественной литературы).

В 1984 г. Институтом языка им. Р. Ачаряна АН Арм. ССР был подготовлен к изданию Армяно-русский словарь под редакцией канд. филол. наук Е.Г. Галстян (авторы Е.С. Вардумян, Р.В. Мадоян, Н.А. Сардарян, Э.А. Саркисян, И.Д. Стрельцова, Н.А. Тер-Григорян) [3]. Общее руководство работой осуществлял директор института академик Г.Б. Джаукян. Словарь, включающий в себя около 75 тыс. лексических единиц, был адресован широкому кругу читателей и, в сущности, представлял собой первый опыт большого армяно-русского словаря в республике. Отмеченные словари до недавнего времени являлись основными трудами в области русско-армянской лексикографии. Остальные работы, как правило, представляли собой минимизации указанных словарей, например предназначенный для учащихся армянских школ и студентов вузов Русско-армянский учебный словарь А.А. Секояна, содержащий 14 300 слов [11].

В 2023 г. вышел в свет двухтомный Русско-армянский словарь — универсал для специалистов В.В. Мадояна, что явилось событием в нашей лексикографии. В словаре впервые предпринята попытка дать

полную характеристику русского слова (помимо семантики и сочетательных свойств лексем словарь включает в себя также информацию об их происхождении, словообразовательной структуре, произношении, правописании, парадигмах, стилистической характеристике — словом, позволяет получить всю необходимую информацию о слове) [6; 7].

Лексикография на сегодняшний день не располагает подобными словарями. Словарь-универсал, содержащий около 110 тыс. слов и словосочетаний, хотя в целом и написан с опорой на Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [10], также предлагает пользователям получившие широкое распространение лексические инновации последних лет с целью хотя бы частично преодолеть неизбежное отставание в регистрации неологизмов языка. Включая слово в словарь, автор принимал во внимание не только частотность его употребления, но и значительность выражаемой им реалии, его практическую ценность. Автору в целом удалось отразить и произошедшие изменения в стилистической оценке некоторых слов. Словарь предназначен главным образом для специалистов-русистов, поскольку в нем можно найти все сведения о русском слове с доскональной точностью. Это, однако, вовсе не означает, что он не может быть использован широким кругом читателей. В приложениях даны многочисленные таблицы, по которым можно определить формообразование любого слова (в том числе с учетом ударения, чередований, исключений и т.д.). Словарь составлен на основе современных лексикографических трудов, однако существенная часть (преимущественно в области этимологии, словообразования и морфологии) является оригинальной авторской. В частности, словообразование не сводится исключительно к взаимоотношению производящего и производного слов в синхронии, а рассматривается как исторический процесс.

Словарь прежде всего переводный. Поэтому автор хотя и учитывает данные толковых словарей русского языка, однако семантику слов при необходимости дает с учетом армянского языкового сознания. Например, слово идти в русском языке толкуется без указания направления движения, а его эквиваленты в армянском обязательно

«направленные». Значения слов переводятся «слово словом», в то время как большинство русско-армянских словарей в силу несовпадения русского и армянского языкового видения мира нередко то или иное значение толковали (объясняли). Ввиду этого автор называет свой словарь речевым в отличие от вышедших ранее работ, которые он считает языковыми словарями. Более того, в определенных случаях он предоставляет читателю и энциклопедические сведения, нужные для толкования отдельных слов на армянском языке. Так, в статье уложение исключительно кратко, в одном предложении, даются исторические сведения об уложениях русских царей, чтобы, например, пользователь не принял уложение за обычный сборник. Отметим попутно, что и многие авторы оксфордских словарей английского языка довольно успешно используют материалы энциклопедического характера. Во введении к словарю [6. С. 3–19] автором подробно изложены все основные принципы подачи материала, содержащие во многом существенно новые теоретические положения. Словарь в целом насыщен богатым материалом для исследования, поэтому, как и предполагалось, вызвал большой интерес в научных кругах и широкий резонанс в печати.

В силу сложившихся в последнее время непростых обстоятельств Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова с 9 по 23 сентября 2023 г. впервые организовал курсы русского языка для слушателей из Испании и Швейцарии в составе 12 человек, которые прошли в Ереванском университете международных отношений им. Ан. Ширакаци. Эта удачная практика коротких интенсивных курсов, основанных на изучении русского языка через погружение в культуру (с посещением Ереванского русского драматического театра им. К.С. Станиславского, Музея русского искусства, зала русской живописи Картинной галереи Армении и т.д.), по всей вероятности, будет продолжена.

В условиях так называемой международной изоляции России работа армянских ученых, преподавателей, учителей вносит достойный, существенный вклад в пропаганду русского языка и русской культуры в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новый русско-армянский словарь: в 4 т. / Т. Авдалбекян, П. Сотникян, Е. Тер-Минасян, В. Потейян. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1933–1935.
2. *Амирханян М.Д.* Армения в зеркале русской поэзии. Ереван: Копи принт, 2022. 662 с.
3. Армяно-русский словарь / гл. ред. Е.Г. Галстян. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1984. 724 с.
4. *Гарибян А.* Русско-армянский словарь / ред. И.К. Кусикьян, Г.К. Гаспарян. 2-е изд. Ереван: Айастан, 1977. 1435 с.
5. *Дагбашьян Г.* Полный русско-армянский словарь. Тифлис: Скоропечатня Мнацакана Мартиросянца, 1906. 1222 с.
6. *Мадоян В.В.* Русско-армянский словарь-универсал для специалистов. Ереван: Ан. Ширакаци, 2023. Т. 1. 1006 с.
7. *Мадоян В.В.* Русско-армянский словарь-универсал для специалистов: Ереван: Ан. Ширакаци, 2023. Т. 2. 950 с.
8. *Матевосян Л.Б.* Русский разговорный стандарт: курс лекций. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2022. 194 с.
9. В.В. Маяковский: русская и национальные литературы: материалы XX Юбилейной междунар. науч.- практ. конф. Ереван: Копи принт, 2023. 441 с.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1996. 928 с.
11. *Секоян А.А.* Русско-армянский учебный словарь / под ред. Л.Б. Петросян. Ереван: Луйс, 1978. 159 с.

REFERENCES

1. *Novyi russko-armianskii slovar'*: v 4 t. / Т. Avdalbekyan, P. Sotnikyan, E. Ter-Minasyan, V. Poteyan. Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1933–1935.
2. *Amirkhanyan M.D.* Armeniia v zerkale russkoi poezii. Erevan: Kopi print, 2022. 662 s.
3. *Armiano-russkii slovar'* / gl. red. E.G. Galstyan. Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1984. 724 s.
4. *Garibyan A.* Russko-armianskii slovar' / red. I.K. Kusikyan, G.K. Gasparyan. 2-e izd. Erevan: Aiastan, 1977. 1435 s.
5. *Dagbashyan G.* Polnyi russko-armianskii slovar'. Tiflis: Skoropечатnia Mnatsakana Martirosyantsa, 1906. 1222 s.

6. *Madoyan V.V.* Russko-armianskii slovar'-universal dlia spetsialistov. Erevan: An. Shirakatsi, 2023. T. 1. 1006 s.
7. *Madoyan V.V.* Russko-armianskii slovar'-universal dlia spetsialistov: Erevan: An. Shirakatsi, 2023. T. 2. 950 s.
8. *Matevosyan L.B.* Russkii razgovornyi standart: kurs leksii. Erevan: Izd-vo EGU, 2022. 194 s.
9. *V.V. Mayakovskiy:* russkaia i natsional,nye litera tury: materialy XX Iubileinoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Erevan: Kopi print, 2023. 441 s.
10. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyi slovar, rus skogo iazyka. Moscow: Russkii iazyk, 1996. 928 s.
11. *Sekoyan A.A.* Russko-armianskii uchebnyi slovar' / pod red. L.B. Petrosyan. Erevan: Luis, 1978. 159 s

ՀԱՅ ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆ ԱՅՍՕՐ

Ս. Չ. ՇԵՅՐԱՆՅԱՆ

Ճարտարապետության և շինարարության Հայաստանի ազգային համալսարան

Ռուսաց լեզուն և ռուս մշակույթը շարունակում են զգալի դեր ունենալ հայ ժողովրդի հասարակական և հոգևոր կյանքում: Համալսարաններում և լեզվի և գրականության գիտահետազոտական ինստիտուտներում կատարվում են ռուսաց լեզվի, ռուս-հայերեն տիպաբանության հետազոտություններ, հրատարակվում և վերահրատարակվում են երկլեզու բառարաններ: Հանրապետությունում ռուսագիտության լեզվաբանական հետազոտությունների ընդհանուր ուղղությունը մանկավարժական է, քանի որ հայ լեզվաբանների առաջնահերթ խնդիրն է դպրոցների և բուհերի համար օպտիմալ դասագրքերի և ուսումնական նյութերի ստեղծումը: Հանրապետության դպրոցներում և բուհերում անցկացվում են գիտաժողովներ ռուսագիտության տարբեր թեմաների շուրջ՝ ռուսաց լեզվի դասավանդման մեթոդիկայի, ժամանակակից լեզվաբանության, տեսության և պրակտիկայի հիմնախնդիրների վերաբերյալ:

Բանալի բառեր՝ բառ, բառարան, դասագիրք, բառարանագիտություն, լեզու, ռուսագիտության մասնագետ, ռուսագիտություն, դպրոց, համալսարան:

ARMENIAN RUSSIAN STUDIES TODAY

S. Z. SHEYRANYAN

National University of Architecture and Construction of Armenia

The Russian language and Russian culture continue to play a prominent role in social and spiritual life of the Armenian people. Researches on the Russian language, Russian-Armenian typology are conducted in universities and research institutes of language and literature, bilingual dictionaries are published and republished. The general direction of linguistic researches on Russian studies in republic is pedagogical, since the primary task of Armenian linguists is to create optimal textbooks and teaching aids for schools and universities. Annual conferences are held on the problems of modern linguistics, theory and practice of teaching the Russian language in schools and universities of the republic.

Key words: *word, dictionary, textbook, lexicography, language, specialist in Russian studies, Russian studies, school, university.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 10 апреля 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 20.05.2024.

Публикуется с согласия автора.

МЕТОДИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

ОБУЧЕНИЕ РКИ: ОРГАНИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ В РАКУРСЕ ВОПРОСОВ МЕТОДИКИ ОПИСАНИЯ ФРЕЙМА

В. А. ГРИГОРЯН
Российско-Армянский университет
violetta.grigoryan@rau.am

В настоящее время актуальна возможность применения фреймовой гипотезы непосредственно в методике преподавания иностранных языков (в том числе и РКИ), в частности, для успешного расширения вокабуляра учащихся. Презентация на уроках РКИ конкретной грамматической структуры или же определенной дискурсивной ситуации в ракурсе фрейма делает объяснение лексико-грамматических особенностей употребления языковых средств весьма доступным, легким и интересным.

Ключевые слова: фрейм, фреймовый подход к обучению, РКИ, методика описания фрейма.

Фреймовому подходу в обучении современном этапе придается большое значение. Так, фрейм включает в себя значимые и одновременно частотные единицы общения. Это дает возможность рассматривать его как весьма эффективную форму тестирования [6, 91]. В настоящее время актуальная возможность применения фреймовой гипотезы непосредственно в методике преподавания иностранных языков (в том числе и РКИ), в частности, для успешного расширения вокабуляра учащихся, отражена в различных методических, а также педагогических концепциях.

Мы попытаемся исследовать фрейм в аспекте типовой ситуации, которую нередко используют в процессе обучения РКИ. Чаще всего это

имеет место при разъяснении определенного грамматического материала.

Отметим, что любая информация, которую мы получаем по каналам восприятия, преобразуется непосредственно в форме каких-либо ментальных репрезентаций (скриптов, образов, фреймов и пр.). Далее она может закрепиться в памяти индивида. При этом каждое ментальное представление должно строиться именно на базе либо визуальных, либо вербальных данных. А ментальная информация создается при осознании информации, которая поступает по различным каналам. Она может содержать всевозможные сведения. Ученые подобную информацию считают «концептуальной структурой» индивида, его «внутренним кодом». Так, основываясь непосредственно на ментальных процессах, эта информация соотносится с уже построенной понятийной системой и оказывается пропущенной через ментальный мир автора.

Представляется очевидным, что объективный мир, который «проецирует» человек, представляется в его сознании в формате концептуальной картины (системы, модели) [1]. Определим понятие «концептуальная картина мира» через совокупность концептов/репрезентаций различных типов, как вербальных, так и невербальных.

При исследовании научной и научно-методической/педагогической литературы, касающейся в той или иной степени проблем фрейма, можно (принимая во внимание тезис о концептуальной картине мира) предложить единую классификацию фреймов.

Термин/понятие «фрейм» введено в научный обиход Марвином Минским [12], который характеризовал этот феномен как способность индивида получать информацию с использованием зрительного канала восприятия. Изначально термин «фрейм» толковали как «структуры данных для представления стереотипной ситуации зрительного восприятия» [12]. Далее понятие «фрейма» взяли на вооружение уже и лингвисты, которые, однако, нередко трактовали его по-разному. Так, например, Филмор Ч. представлял в своих работах фрейм в качестве унифицированной конструкции знания или связанных схематизаций опыта [9, 143]. Исследователь Лангаккер Р. использовал термин «фрейм» применительно к «падежной рамке», а именно: «группе глаголов с сопроводительными именами в конкретных ролях» [11].

Российские ученые Л. А. Панасенко и Н. Н. Болдырев представляют фрейм как совокупность единиц, организованных «вокруг» событийного концепта [2]. О. Л. Каменская считает, что фрейм – это специальная «структура признаков (данных), которые характеризуют определенную стереотипную ситуацию» [5].

Нас интересуют фреймы в ракурсе методики обучения РКИ.

Рассмотрим в этом ракурсе различные виды фреймов.

✓ **Поверхностно-семантический фрейм** представлен значениями лексических единиц, которые непосредственно привязаны к действию. Мы считаем, что, рассматривая данный вид фрейма, следует непременно оговорить понятие «денотат». Денотат – это определенные языковые единицы – множество объектов действительности (свойств, состояний, вещей, отношений, процессов) [7]. Таким образом, семантический фрейм основывается непосредственно на денотатах. Это следует учесть при построении лексических цепочек на уроках РКИ при обучении новым словарным единицам. Приведем схему подобного фрейма, который являет собой отличный способ пополнения вокабуляра учащихся, а также развития их логического мышления:

Животные

дикие

медведь, волк, лиса

домашние

кошка, собака, корова

Эту схему можно продолжить.

✓ **Тематические фреймы** являют собой определенные сценарии, которые непосредственно связаны с портретами, либо с конкретной деятельностью, или с окружающей действительностью. Так, например, фрейм «смеяться» предполагает наличие конкретных эмоций (радость, веселье и пр.). Соответственно, эти эмоции основаны на конкретной причине (исполнение желания, свадьба, день рождения и пр.). При этом здесь наличествуют также и соответствующие внешние характеристики, такие как определенная жестикация, тембр голоса, интонация и пр. Таким образом, преподавателю РКИ следует определить, знает ли учащийся рассматриваемый фрейм для грамотного осознания изучаемого текста.

✓ **Поверхностно-синтаксический фрейм**, который в большинстве случаев бывает представлен простой структурой типа «глагол + имя»). В качестве примера вышеназванного фрейма можно назвать структурную схему предложения, то есть его (предложения) непосредственно графический образ. Например, в русском языке простая модель порядка слов следующая: N + Verb (+ Object). Именно с этой модели следует начать обучение, постепенно расширяя и усложняя ее.

✓ **Фрейм повествования** – это макеты типовых рассказов, а также объяснений, доказательств, которые при аудировании дают реальную возможность представить полноценный фрейм по данной тематике. Этот фрейм включает в себе полноценную информацию о том, как возможно поменять фокус внимания, об основных действующих лицах, а также непосредственную информацию о сюжете и пр.

В качестве примера фрейма повествования можно представить обычный план школьного сочинения:

- *Вступление (введение)*
- *Переход к основной части*
- *Основная часть*
- *Переход к заключению*
- *Заключение*

Представленный план весьма примитивен и доступен, однако он может иметь различные усложненные варианты, заполняться всевозможными подтемами. Например, на занятиях КИ можно успешно использовать фрейм-повествование по теме «Видовые пары глагола». На основе этого фрейма учащиеся-армяне могут адекватно и быстро осознать сложную для их восприятия изучаемую тему, находящуюся в зоне интерференции.

Оговорим, что огромное разнообразие интерпретаций учеными термина «фрейм» может способствовать неоднозначности понимания этого явления в контексте нашей статьи. Так, применительно к обучению устной речи на иностранном языке методист-практик Д.И. Изаренков заимствует непосредственное определение фрейма как структуры определенных данных для направления стереотипных ситуаций, единицу знаний, организованной вокруг некоторого понятия из краткого словаря когнитивных терминов. Автор относит фреймы

именно к когнитивным единицам, которые успешно определяют так называемый внутренний «каркас» специфических макро- и микро-оттенков [4, 28]. Так, в ракурсе этого подхода, нами разработаны специальные учебные ситуации (фреймы), которые предполагают отбор видовых форм глагола. Эти ситуации, конечно же, можно соотнести с «типовыми схемами речевых ситуаций, организующих развертывание ситуативного диалога», а не к фреймам. Но мы можем особо оговорить, что в процессе использования этого подхода на уроках РКИ происходит специфическая ограниченная интерпретация понятия «фрейм» как фиксированного статичного каркаса (Кубрякова Е. С.). Фрейм можно определить и в контексте динамики, в ракурсе выбора, т. е. процесса, движения (Лузина Л. Г.). Данный подход позволяет считаться фреймами выделенные нами далее ситуации.

Мы считаем, что источником отмеченной проблемы может стать невероятное число понятий, которые так или иначе соотносятся с понятием «фрейм». Например, российский исследователь Д.И. Изаренков считает, что рассказ по картинкам на уроках РКИ – это вполне определенный сценарий, а спонтанное возникновение различных монологических ответов на основе формул, схем, таблиц – это конкретный фрейм. Мы согласны с данной точкой зрения. Но здесь следует непременно оговорить, что разница между этими понятиями базируется главным образом на очевидной разнице между динамикой и статикой. Говоря о классификации фреймов, следует отметить, что во избежание двойного толкования надо придерживаться именно термина «фрейм», принимая его как некий общий термин практически для всех приведенных понятий [3, 68]. Д.И. Изаренков считает, что моделирование специфическим образом сопровождает процессы получения, переработки, хранения, а также передачи информации. А определенные фреймы, согласно Ван Дейку, являются конкретными моделями стереотипных ситуаций. Исходя из вышесказанного, представляется возможным различать термины «сценарий» и «фрейм». При этом вслед за Д.И. Изаренковым «сценарии» можно представить как когнитивные структуры, которые употребляет говорящий непосредственно в процессе порождения текста. В то же время «фреймы» (как когнитивные единицы), очевидно, определяют именно внутренний

«каркас» всех текстов. Следует оговорить, что на современном этапе для обозначения явления, которое определено как фрейм, учеными рекомендовано очень много всевозможных терминов, а именно: «схема», «когнитивная модель», «фрейм», «основание» (“base”), «сценарий» [7]. Эти термины противопоставлены, соответственно, терминологическим словарным единицам «сцена», «профиль» и пр. Данные терминологические единицы употребляются учеными различными способами. Так, многие ученые используют некоторые из приведенных выше терминов, при этом определяют их непосредственно по динамичности и статичности (принимая факт, что фрейм – это статичная структура, следует принять и то, что динамичный сценарий – скрипт, составляющие элементы которого сканируются, «пробегаются» мысленным взглядом в определенной последовательности). Таким образом, во избежание терминологической неопределенности, далее нам следует оперировать только понятием «фрейм».

Представим фрейм в ракурсе хранимых представлений в памяти индивида, равно как организацию процессов как обработки, так и логического вывода, которые функционируют над данным хранилищем. Это даст возможность представить, что фрейм является системой языковых выборов (категорий, лексических единиц, грамматических форм). При этом выбор конкретной языковой формы зависит непосредственно от интерпретирующего восприятия индивида, который наблюдает за ситуацией. Причем эта ситуация описывается, естественно, языковыми средствами. Более того, под влиянием неких прагматических факторов она «размещает» в определенный фокус какой-либо признак /признаки данного фрейма. В данном случае следует оговорить, что вышеупомянутое понятие «фокус» уже разносторонне исследовалось учеными. Так, например, психологи трактуют фокус как выбор конкретного объекта. Причем этому объекту надо уделять большое внимание. При этом все объекты, которые находятся непосредственно в рассматриваемом в фокусе, очевидным образом выделяются среди иных объектов из своего окружения.

Остановимся на проблеме построения фреймов. Здесь следует оговорить тот факт, что любую ситуацию возможно представить по-разному. Заметим, что похожий набор необходимых параметров ситуа-

ции, либо эквивалентных им семантических признаков тем не менее продолжает оставаться одним и тем же. Просто в данной ситуации определенные аспекты явно акцентируются, другие – сильно затушевываются. Можно заключить, что имеет место выделение «граней», то есть «активных зон» конкретной ситуации, либо символизирующей ее языковой единицы. Таким образом налицо практическая значимость выделения научной методики описания фрейма.

Приведем пример: перед учащимися-армянами при общении на русском языке встает сложная проблема выбора вида глагола, и непосредственно эта проблема (наряду со многими другими) являет собой серьезную сложность при обучении РКИ. От таких правил следовало бы потребовать, чтобы их использование отнюдь не ограничивалось непосредственно видами русского глагола. В аспекте системы грамматических правил можно предложить так называемую учебную модель речепорождения, которая учитывает прагматические аспекты говорения, а именно – стратегию слушающего.

Мы предлагаем методику описания фрейма при обучении видовым парам русского глагола, опираясь на теорию аспектологии, которая затрагивает выбор видовых форм русского глагола.

Общеизвестно, что в русском языке в употреблении различных видовых форм имеются определенные различия, и в конкретных местах дискурса (монолога, диалога, текста), как правило, бывает допустима лишь одна единственная видовая форма. Совершенно естественно, что эта особенность являет собой серьезные трудности и представляется наиболее частым источником недочетов и ошибок в речи учащихся-армян, изучающих русский язык как неродной/иностранной. Ведь представляется очевидным, что в рассматриваемой ситуации ни учет семантики глагола, ни обращение непосредственно к контексту помочь учащимся не может. И именно в данном случае описание фрейма (либо стереотипной ситуации) дает возможность обучаемым сделать правильный выбор. Возникает вопрос: чем же следует руководствоваться при подобном выборе? Для этого предлагается детально изучить, чем руководствуется коммуникант для выбора языковых единиц в речи.

Прагматика красноречиво говорит о том, что данные правила зависят непосредственно от различных факторов языка. Они никак не могут быть упорядочены, ибо прагматический выбор языковых единиц базируется на разных факторах, в том числе и на конкретных синтаксических конструкциях, лексических единицах текста, общих знаний коммуникантов, семантику глагола и прочие факторы, которые в своей совокупности уникальны. Таким образом, обучение виду русского глагола на уроках РКИ непременно должно включать в себя как непосредственное базовое научное знакомство с категорией вида, а также со значениями видовых пар русского глагола, как и прочими узуализованными случаями. Следует обратить внимание и на выработку навыков выбора конкретного вида, базирующихся на соответствующих прагматических принципах.

Огромный научный интерес для разработки методической системы описания фреймов являют собой труды Д.Вандервекена, Дж.Сёрля (теория речевых актов), Н.Д. Арутюновой (анализ параметров диалога), А.Вежбицкой, Э.В. Дигоевой (рассмотрение основных направлений исследования когнитивной прагматики), Л.К. Рахманкуловой (анализ когнитивного и прагматического компонентов значения вопросительных конструкций) и др.

Наличие банка фреймов, что подразумевает выбор конкретной видовой формы, несомненно, представляет как теоретическую, так и (в большей степени) практическую ценность в ракурсе специфики обучения грамматической категории вида русского языка. Для представления структуры фрейма мы рекомендуем использовать работу Т.Дijk [10, 230]. Рассмотренные фреймы возможно использовать в процессе представления глагольного грамматического материала, в частности, видовых форм русского глагола, которые представляют определенную сложность для учащихся-армян и входят в зону интерференции.

Все вышесказанное дает нам основание предположить, что фрейм являет собой стандартную ситуацию, которая должна быть представлена учащимся. При этом она отнюдь не предполагает выбор лексико-грамматических форм. Иногда прагматика фрейма способствует употреблению одной из грамматических форм в контексте опре-

деленной типовой ситуации, при этом практически исключает возможность употребления другой.

В заключении отметим, что презентация на уроках РКИ конкретной грамматической структуры или же определенной дискурсивной ситуации в ракурсе фрейма делает объяснение лексико-грамматических особенностей употребления языковых средств, которые рассмотрены в плане интерференции и, соответственно, являют собой трудности при изучении РКИ, весьма доступным, легким и интересным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1988.
2. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Взаимодействие фреймов в процессе функциональной поликатегоризации английского глагола // Мат-лы междунар. конференции, посвященной научному наследию профессора Марии Дмитриевны Степановой и его дальнейшему развитию. М., 2001.
3. Григорян В.А. Фрейм в лингвистической семантике и возможности его использования в преподавании РКИ // Проблемы современной русистики. Ереван: Изд-во МГУ. 2020. № 6.
4. Изаренков Д.И. Когнитивные процессы и обучение устной иноязычной речи // Вестник МАПРЯЛ. 2002. № 6.
5. Каменская О.Л. Структура и функции текста как средства коммуникации: Текст лекций к курсу «Общее языкознание». М., 1991.
6. Колетвинова Н.Д. Использование тест-фреймов как важного показателя уровня профессиональной подготовленности студентов педагогических вузов // Психологическая наука и образование. М., 2004. № 3.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост.: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996.
8. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматилистический аспекты). М., 1996.
9. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1998. Вып. XXII.
10. Dijk T.A. Context and cognition, knowledge frames and speech act comprehension. // Journal of pragmatics, 1977. № 1.
11. Langacker R. Remarks on English Aspect // Tense-aspect: Between Semantics and Pragmatics. Ed. by P. J. Hopper. Amsterdam, 1982.

12. *Minsky M. A.* Framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. B., 1980.

REFERENCES

1. *Arutyunova N.D.* YAzyk i mir cheloveka. M., 1988.
2. *Boldyrev N.N., Panasenko L.A.* Vzaimodeystviye freymov v protsesse funktsional'noy polikategorizatsii angliyskogo glagola // Mat-ly mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy nauchnomu naslediyu professora Marii Dmitriyevny Stepanovoy i yego dal'neysheму razvitiyu. M., 2001.
3. *Grigoryan V.A.* Freym v lingvisticheskoy semantike i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya v prepodavanii RKI // Nauchno-metodicheskiy zhurnal, Problemy sovremennoy rusistiki. Yerevan: Izdatel'stvo MGU. 2020. № 6.
4. *Izarenkov D.I.* Kognitivnyye protsessy i obucheniye ustnoy inoyazychnoy rechi // Vestnik MAPRYAL. M., 2002. № 6.
5. *Kamenskaya O.L.* Struktura i funktsii teksta kak sredstva kommunikatsii: Tekst lektsiy k kursu «Obshcheye yazykoznaniye». M., 1991.
6. *Koletvinova N.D.* Ispol'zovaniye test-freymov kak vazhnogo pokazatelya urovnya professional'noy podgotovlennosti studentov pedagogicheskikh vuzov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. M., 2004. № 3.
7. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* / Sostaviteli: Ye. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, YU. G. Pankrats, L. G. Luzina. M., 1996.
8. *Luzina L.G.* Raspredeleniye informatsii v tekste (kognitivnyy i pragmastilisticheskiy aspekty). M., 1996.
9. *Fillmor CH.Dzh.* Freymy i semantika ponimaniya // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. M., 1998. Vyp. XXII.
10. *Dijk T.A.* Context and cognition, knowledge frames and speech act comprehension. // Journal of pragmatics, 1977. № 1.
11. *Langacker R.* Remarks on English Aspect // Tense-aspect: Between Semantics and Pragmatics. Ed. by P. J. Hopper. Amsterdam, 1982.
12. *Minsky M.A.* Framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. B., 1980

ՌՕԼ-ի ԴԱՍԱՎԱԿՆԳՄԱՆ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՈՄԸ ՖՐԵՅՄԵՐԻ ՆԿԱՐԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵԹՈԴԱԲԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐԻ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆԻՑ**Վ. Ա. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ****Ռուս-Հայկական համալսարան**

Ներկայումս արդիական է ֆրեյմերի վարկածի կիրառման հնարավորությունը օտար լեզուների դասավանդման մեթոդիկայում (ներառյալ ՌՕԼ-ը), մասնավորապես, սովորողների վոկաբլարի ընդլայնման տեսանկյունից: Հատուկ քերականական կառուցվածքի կամ խոսույթային իրավիճակի ներկայացումը ՌՕԼ-ի դասերին ֆրեյմերի տեսանկյունից դարձնում է լեզվական նյութը շատ մատչելի, հեշտ և հետաքրքիր:

Բանալի բառեր. *Ֆրեյմ, ֆրեյմային մոտեցում, ՌՕԼ, ֆրեյմի նկարագրության մեթոդիկա:*

RFL TRAINING: THE FRAME ORGANIZATION OF KNOWLEDGE IN PERSPECTIVE QUESTIONS ABOUT THE FRAME DESCRIPTION METHODOLOGY**V. A. GRIGORYAN****Russian-Armenian University**

Currently, the possibility of using the frame hypothesis directly in the methodology of teaching foreign languages (including RFL) is relevant, in particular, for the successful expansion of the vocabulary of students. The presentation of a specific grammatical structure or a certain discursive situation in the frame perspective in RFL lessons makes the explanation of the lexical and grammatical features very accessible, easy and interesting.

Key words: *frame, frame approach to learning, RCT, frame description methodology.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 марта 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 27.05.2024.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В АРМЯНСКОЙ ШКОЛЕ

М. А. МИДОЯН
ОШ № 88 им. И. Лепсиуса
midoyan91@mail.ru

Фразеология как часть школьного курса русского языка обладает значительным образовательным, развивающим и воспитательным потенциалом. Поэтому изучение фразеологии напрямую связано с вопросами культуры речи и речевого мастерства, и является одним из эффективных средств повышения уровня речевой культуры у учащихся. В статье даются рекомендации систематизированных методов обучения фразеологии в армянской школе с целью облегчения понимания, овладения и использования фразеологических единиц русского языка в межкультурной коммуникации.

***Ключевые слова:** фразеологизм, лингвокультурология, культурно-языковые знаки, коммуникативный метод, игровой метод, интерактивный метод.*

По мнению В.Телии в задачи лингвокультурологии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [10, с. 107]. В.Н. Маслова видит задачу лингвокультурологии в том, чтобы эксплицировать культурную значимость языковой единицы на основе соотнесения прототипной ситуации фразеологизма или другой языковой единицы, его символического прочтения с теми кодами культуры, которые известны или могут быть предложены носителю языка лингвистом [5, с. 10-11].

Фразеология играет огромную роль в изучении языка. В.Н. Телия отмечает, что фразеологизмы языка являются «наиболее самобытной в культурно-языковом плане частью его номинативного запаса» [9, с. 13]. Показателем высокого уровня владения языком является понимание и уместное использование фразеологизмов в речи. Поэтому изучение фразеологии в школьной программе является чрезвычайно важным, предлагая как познавательные, так и практические аспекты.

Исследование фразеологизмов как культурно-языковых знаков позволяет не только глубже проникнуть в их языковую специфику и оценить их важную роль в процессе коммуникации, но и расшифровать закодированные в них культурные смыслы, выявить их связь с культурно-национальными традициями и стереотипами. История русских фразеологических оборотов раскрывает многие интересные и характерные стороны русской национальной культуры и быта, подчас неожиданные, малоизвестные их черты, давая тем самым более полное представление о жизни различных слоев общества, о развитии многовековой духовной и материальной культуры русского народа [11, с. 4].

Как отмечает Е. Баурина, современная дидактика обучения русскому языку акцентирует внимание на лексико-фразеологическом и лингвокультурологическом аспектах, а также на формировании компетенции в области русского национального менталитета и культуры.

Изучение фразеологии в школьной программе направлено на достижение различных целей. В частности, познавательные задачи предполагают формирование у учеников научного мировоззрения и оснащение их основами знаний о фразеологии русского языка. Этот процесс способствует развитию у школьников языкового эстетического идеала и понимание языковых структур на более глубоком уровне. Знание русских фразеологизмов, пословиц и поговорок обогащает словарный запас учащихся, помогает им осознать образную систему русского языка, яркий русский юмор, точность народных толкований и чрезвычайно расширяет их лингвокультурную компетенцию [2, с. 717-748].

Практические цели изучения фразеологии направлены на формирование у учащихся фразеологических умений, которые являются основой для развития их речи и обогащения фразеологического запаса. Знакомство с фразеологизмами создает основу для работы по улучшению речевых навыков учащихся. Это включает понимание лексического значения фразеологизмов, умение толковать их семантику и использовать фразеологические словари. Практические цели изучения фразеологии направлены на развитие конкретных умений у учащихся,

которые существенно влияют на их языковую компетенцию и коммуникативные способности:

1. *Формирование фразеологических навыков,*
2. *Обогащение фразеологического запаса,*
3. *Умение толковать фразеологизмы,*
4. *Использование фразеологических словарей,*
5. *Понимание языковых особенностей литературных произведений.*

Таким образом, изучение фразеологии в школе не только способствует повышению языковой компетенции учащихся, но и развивает их критическое мышление и умение адаптироваться к различным языковым и культурным контекстам.

При изучении фразеологии формируются следующие учебно-языковые фразеологические умения у учащихся:

1. Умение отличать лексическое значение фразеологизма от его грамматического значения.
2. Навык толковать лексическое значение фразеологизмов.
3. Навык нахождения изученных фразеологических явлений в тексте.
4. Умение выбирать и использовать изученные фразеологические выражения в соответствии с контекстом.
5. Умение пользоваться фразеологическим словарем для поиска и анализа нужной информации.

На основе проведенного анализа, мы предлагаем использовать следующие методы и приемы развития коммуникативной компетенции на уроках русского языка при обучении фразеологизмов:

1. Чтение и анализ текстов

о *Работа с текстом*: Чтение отрывков из художественной литературы, где используются фразеологизмы, и их последующий анализ. Пересказ текста.

2. Объяснение значений и происхождения фразеологизмов

о *Исторический и культурный контекст*: Изучение истории происхождения фразеологизмов, их эволюции и связи с культурой.

о *Сравнение с другими языками*: Сравнение аналогичных фразеологизмов в разных языках для понимания межкультурных связей.

3. Письменные задания:

- о *Заполни пропуски*: Вставка пропущенных фразеологизмов в предложениях.
- о *Сочинение и эссе*: Написание сочинений на различные темы, включающих фразеологизмы.
- о *Создание текстов и рассказов*: Придумывание историй или рассказов с использованием определенного набора фразеологизмов.
- о *Фразеологический диктант*: Учитель диктует предложения с фразеологизмами, а ученики записывают их и объясняют значение.

4. Устные упражнения

- о *Дискуссии и дебаты*: Использование фразеологизмов в ходе обсуждений и дебатов для практики их употребления в устной речи.
- о *Ролевые игры*: Инсценировка диалогов и различных ситуаций, требующих применения коммуникативных навыков (например, диалог в магазине), где используются фразеологизмы, что помогает ученикам лучше запомнить и правильно использовать эти выражения.

5. Интерактивные методы:

- о *Игра «Найди пару»*: Соотнесение фразеологизмов и их значений или аналогов в других языках.
- о *Интерактивные викторины и тесты*: Проверка знаний через онлайн-викторины и тесты.

6. Работа в группах

- о *Проекты и презентации*: Создание групповых проектов, исследование происхождения и значений различных фразеологизмов с последующей презентацией.
- о *Творческие задания*: Составление и исполнение сенок или мини-пьес, где активно используются фразеологизмы.
- о *Использование цифровых технологий*: Применение мультимедийных ресурсов, онлайн-платформ и образовательных приложений для расширения коммуникативных возможностей учащихся.

7. Игровые методы:

- о *Фразеологические пазлы*,
- о *Фразеологические кроссворды и ребусы*,
- о *Ролевые игры и драматизация*.

8. **Визуальные методы:** Эти методы включают использование различных визуальных средств, таких как картинки, диаграммы, графики, видео, презентации и другие визуальные материалы.

Для эффективного обучения фразеологии в школе рекомендуется использовать следующие **методические подходы:**

1. **Интеграция с другими предметами:** Связывание фразеологических знаний с уроками литературы, истории, обществознания для более глубокого понимания контекста и культурного фона.

2. **Использование современных технологий:** Применение мультимедийных ресурсов, онлайн-платформ и учебных приложений для интерактивного обучения фразеологии.

3. **Индивидуальный подход:** Учет уровня подготовки каждого ученика и предоставление дополнительных материалов и заданий для углубления знаний и навыков.

Исходя из вышеперечисленных нами методов работы над фразеологизмами, пришли к выводу, что обучение фразеологии требует использования комплексного подхода, который сочетает различные методы и техники для максимально эффективного усвоения материала. Эффективное обучение фразеологии требует разнообразных подходов и методов, чтобы удовлетворить различные стили обучения и интересы учащихся. Комбинация коммуникативного, интегративного, когнитивного, игрового, проектного и визуального подходов поможет создать комплексную и увлекательную программу изучения фразеологизмов. И как отмечает Добриогло, чтобы сделать полезный и интересный урок, стоит составить грамотные упражнения [4, с. 13]. Однако полезно сразу же определиться с основной темой урока и зафиксировать, какая цель преследуется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баграмова Н.В. Коммуникативно – интерактивный подход как способ повышения овладения иностранным языком // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 18. – с. 3-6
2. Гладкова А.Н. Анна Вежбицкая: язык, культура, коммуникация. Russian Journal of Linguistics. 2018. № 4. С. 717–748

3. *Верещагин Е. М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Русский язык, 1990.
4. *Добриогло Л., Жестова М.С., Установщикова В.А.* Комплекс упражнений по русскому языку как иностранному. Начальный этап. ННГУ: Нижний Новгород, 2016.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. *Колкер Я.М.* Практическая методика обучения иностранному языку. – М., 2000.
7. *Коньшева А.В.* Игровой метод обучения иностранному языку. Минск, 2006. 181 с.
8. *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучение иноязычному говорению. – М., Просвещение, 1991. 223с.
9. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. – М: Наука, 1993, 308 с.
10. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.
11. *Шанский Н. М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987.

REFERENCES

1. *Bagramova N.V.* Kommunikativno – interaktivnyy podkhod kak sposob povysheniya ovladeniya inostrannym yazykom // Materialy XXXI Vserossiyskoy nauchno – metodicheskoy konferentsii prepodavateley i aspirantov. Vyp. 18. – s. 3-6
2. *Gladkova A.N.* Anna Vezhbitskaya: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. Russian Journal of Linguistics. 2018. № 4. S. 717–748
3. *Vereshchagin Ye.M., Kostomarov V.G.* YAzyk i kul'tura. М.: Russkiy yazyk, 1990.
4. *Dobrioglo L., Zhestova M.S., Ustanovshchikova V.A.* Kompleks uprazhneniy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Nachal'nyy etap. NNGU: Nizhniy Novgorod, 2016.
5. *Maslova V.A.* Lingvokul'turologiya: Ucheb. Posobiye dlya stud. Vyssh. Ucheb. zavedeniy. – М.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2001. – 208 с.
6. *Kolker Ya.M.* Prakticheskaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku - М. 2000
7. *Konysheva A.V.* Igrovoy metod obucheniya inostrannomu yazyku. Minsk, 2006. 181 s.

8. Passov Ye.I. Kommunikativnyy metod obucheniye inoyazychnomu govoreniyu. – M., Prosveshcheniye, 1991. 223s.
9. Teliya V.N. Kul'turno-natsional'nyye konnotatsii frazeologizmov // Slavyanskoye yazykoznaniiye. – M: Nauka, 1993, 308 s.
10. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. - M., 1996.
11. Shanskiy N. M., Zimin V.I., Filippov A.V. Opyt etimologicheskogo slovarya russkoy frazeologii. M.: Russkiy yazyk, 1987.

**ԱՊԱԿԱՌՈՒՑՈՂԱԿԱՆ ԲԱՅԵՐՈՎ ԳԱՐՁՎԱԾԱԲԱՆԱԿԱՆ
ՄԻԱՎՈՐՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ՈՒՂԵՑՈՒՅՑՆԵՐ ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ԴՊՐՈՑՈՒՄ**

Մ. Ա. ՄԻԿՈՅԱՆ

Ի. ԼԵՓԻՍԻՈՒՍԻ անվ. №88 հիմնական դպրոց

Դարձվածաբանությունը, որպես ռուսաց լեզվի դպրոցական դասընթացի մաս, ունի մեծ կրթական, զարգացման և դաստիարակչական ներուժ: Հետևաբար, դարձվածաբանության ուսումնասիրությունն ուղղակիորեն կապված է խոսքի մշակույթի և խոսքի հմտությունների հարցերի հետ և հանդիսանում է ուսանողների խոսքի մշակույթի մակարդակի բարձրացման արդյունավետ միջոցներից մեկը: Հոդվածում տրվում են առաջարկություններ հայկական դպրոցներում դարձվածաբանության ուսուցման համակարգված մեթոդների վերաբերյալ՝ միջմշակութային հաղորդակցության մեջ ռուսաց լեզվի դարձվածաբանական միավորների ըմբռնումը, յուրացումը և օգտագործումը հեշտացնելու նպատակով:

Բանալի բառեր. *դարձվածաբանական միավոր, լեզվամշակութաբանություն, մշակութային և լեզվական նշաններ, հաղորդակցական մեթոդ, խաղային մեթոդ, ինտերակտիվ մեթոդ:*

**RECOMMENDATIONS FOR TEACHING PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH DESTRUCTIVE VERBS IN ARMENIAN SCHOOLS****M. A. MIDOYAN****I. Lepsius Primary School No. 88**

Phraseology as part of the Russian language school course has significant educational, developmental and educational potential. Therefore, the study of phraseology is directly related to the issues of speech culture and speech skills, and is one of the effective means of improving the level of speech culture among students. The article provides recommendations for systematic methods of teaching phraseology in Armenian schools in order to facilitate the understanding, mastering and use of phraseological units of the Russian language in intercultural communication.

Key words: phraseology, linguoculturology, cultural and linguistic signs, communicative method, game method, interactive method.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 марта 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 27.05.2024.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ ГУМАНИТАРНОГО ВУЗА

Э. А. БАБАХАНИЯН

Evelina.Babakhanyan@mail.ru

А.Г. МЕСРОПЯН

angela.mesropyan@bk.ru

ГУ имени В.Я. Брюсова

В статье рассматриваются интерактивные методы обучения синтаксису русского языка студентов-переводчиков гуманитарного вуза. Определено, что подготовка студентов к переводческой деятельности должна осуществляться параллельно с обучением русскому языку. При этом стоит акцентировать внимание не только на грамматике, но и на синтаксисе, теории текста, стилистике и редактуре перевода. Для реализации данной цели были проанализированы более 100 текстов разных стилей и жанров, представленных на армянском, английском языках и их переводы студентами 2-3 курса Ереванского государственного университета им. В. Брюсова. Далее был структурирован курс и обозначены направления. Определены основные проблемы владения языком перевода. Представлены интерактивные упражнения для преодоления каждой проблемы. Отмечено, что применение разных типов упражнений, ориентированных не на индивидуальное самостоятельное, а на групповое обсуждение и анализ качества перевода, поиск лучших вариантов, слуховое восприятие текста, творческие задания, составление интеллектуальных карт позволяют развивать не только собственно языковые навыки, но также зрительную и слуховую память, догадку, прогнозирование, наблюдательность, внимание и логическое мышление, чувство языка. Выделены основные виды упражнений – коммуникативные, языковые, аналитические, практические, дискуссионные. Отмечено, что наиболее эффективными следует признать метод дискуссии, групповую деятельность, презентации, составление интеллектуальных карт, кейсы.

Ключевые слова: интерактивные методы, обучение, синтаксис, кейс, перевод, текст.

Введение

В современной педагогической науке интерактивность рассматривается как один из наиболее эффективных методов обучения [4]. Понятие интерактивности включает в себя высокую степень

взаимодействия уже не только между преподавателем и обучаемыми, но и самими обучающимися при обучении. При этом преподаватель становится в роли организатора, координатора.

При обучении иностранному языку интерактивные методы широко используются в практике речевого общения. Данный метод вполне возможно применять и на занятиях по практике перевода [1].

Наибольшую трудность представляет перевод текста как целостной и связной единицы речи. При этом в практике переводческой деятельности студенты акцентируют внимание на переводе отдельных структур, а не целого текста [5]. В этой связи целесообразно обратить особое внимание на изучение синтаксиса.

На практических занятиях при изучении синтаксиса русского языка большую роль играют упражнения, использующиеся для закрепления изученной теории. По мнению Л.С. Шмольской, М.В. Веккесер, интерактивные формы коммуникации говорят о важности применения аналитических упражнений, которые активизируют формирование навыка собственных умозаключений, объяснения [10].

О.А. Селеменова считает одной из основных задач интерактивного обучения задания научно-исследовательского характера, например, реферирование и аннотирование научной литературы, классификацию и систематизацию фактического языкового материала, подготовку презентационных материалов как продукта аналитической деятельности [9].

С.Е. Рахманкулова, Н.Е. Ибо, Л.И. Цветкова отмечают необходимость преподавания специальных курсов по обучению отдельным аспектам русского языка, поскольку существуют ситуации, когда наблюдается не только низкий уровень знания иностранного языка у переводчика, который не позволяет не только правильно распознавать речь собеседника, но и недостаточный уровень владения правилами русского языка, что влечет за собой неправильную и некорректную передачу информации [8]. В этой связи М.М. Боришанская, М.А. Курбакова отмечают, что умение правильно говорить на родном языке в работе переводчика играет первостепенное значение, равно как и на иностранном языке, однако оно не формируется при рождении – его необходимо тренировать постоянно, поэтому изучение, обобщение,

систематизация знания при обучении переводческой деятельности должна идти постоянно. В частности, важную роль играют навыки внутриязыковых трансформаций, перефразирования и т.д. [3].

В этой связи целесообразно рассмотреть интерактивные методы обучения синтаксису студентов-переводчиков в рамках специального курса «Стилистика русского языка», позволяющие обратить внимание студентов на необходимость более глубокого изучения родного языка, носителем которого является переводчик.

Материалы и методы исследования

Для реализации данной цели были проанализированы более 100 текстов разных стилей и жанров, представленных на армянском, английском языках и их переводы студентами 2-3 курса Ереванского государственного университета им. В. Брюсова. Далее был структурирован курс и обозначены направления:

1. Текст как единое целое.
2. Лексические единицы и словосочетание.
3. Простые и осложненные конструкции. Сложное предложение.
4. Стилистические аспекты перевода (базовый уровень).
5. Основы редактирования при переводе.

На следующем этапе были подобраны упражнения интерактивного характера, направленные на формирование, актуализацию знаний и правил русского языка, активизацию умственной деятельности студентов, в том числе развития навыка работы со словарем и творческие задания.

Результаты и обсуждения

На первом этапе посредством анализа были определены основные проблемы владения языком перевода.

В качестве типичных ошибок были обозначены следующие (Рис. 1).

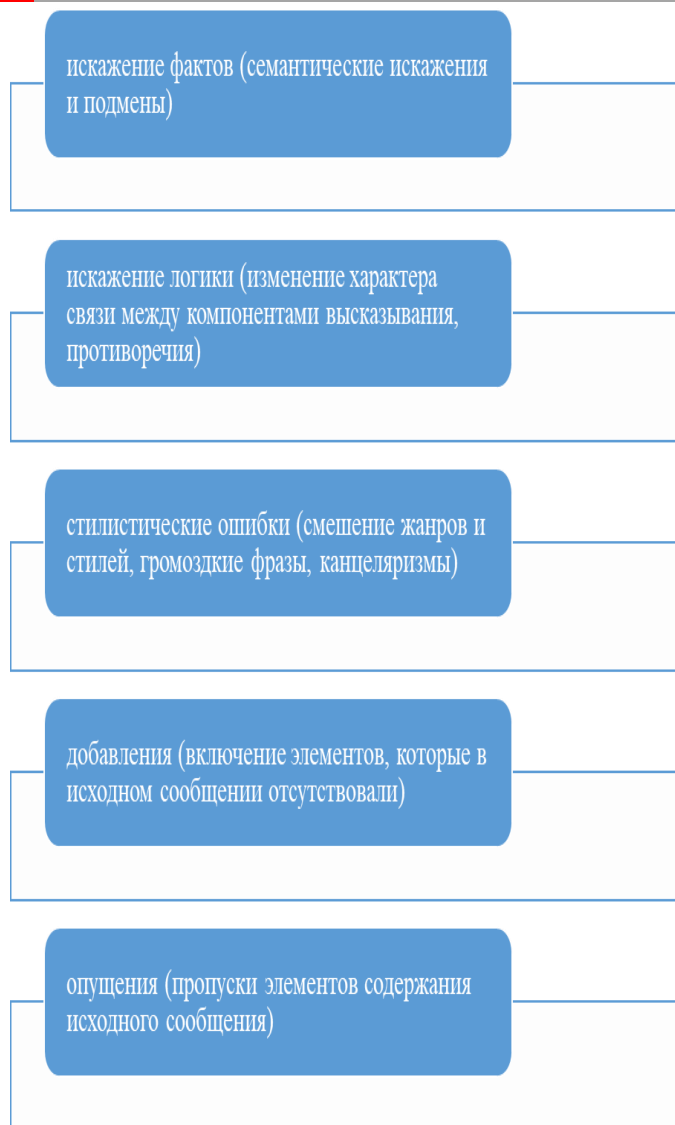

Рисунок 1 – Типы переводческих ошибок

В целом, данный перечень соотносится с классификацией Е.В. Аликиной, согласно которой важным представляется не только выявление ошибок, но и понимание причин сложившейся ситуации [6]. В частности, подобные ошибки переводчика связаны со следующими причинами:

- 1) недостаточное усвоение правил, что приводит к возникновению орфографических, пунктуационных, грамматических, синтаксических ошибок;
- 2) игнорирование таких аспектов, как целостность и связность текста, что связано с недостаточным знанием теории текста;
- 3) отсутствие стремления учитывать прагматическую составляющую текста;
- 4) недостаточный уровень владения нормами языка перевода, что приводит к возникновению несоответствия форм, смыслов, прагматической составляющей текста, конструкции, словосочетания между исходным языком и языком перевода.

На наш взгляд, целесообразно работать с каждой из причин в отдельности.

Для преодоления первой причины важно понимать, что владение русским языком априори предполагает знание не только базовых правил русского языка, но и функциональной специфики частей речи, синтаксических конструкций, а также традиции или практики, почему именно так, а не иначе применяется данное правило [7]. В этой связи стоит обратить внимание студентов на работу с правилами русского языка, чтение, перефразирование текстов разных стилей.

Для этой цели оптимальными могут быть следующие интерактивные упражнения:

- диктант: студенты в группе анализируют текст с целью найти несоответствия и предлагают разные варианты его улучшения согласно русской традиции;
- прослушивание текста разных жанров, когда студенты слушают текст и оценивают адекватность его перевода на предмет соответствия правилам русского языка (для этого необходимо не только найти ошибку, несоответствие, но и объяснить правило);
- чтение и анализ разрозненных фрагментов текста, составление из них целостного и связного текста посредством усложнения конструкций;
- работа со словарем, направленная на редактуру некачественных переводов в группе, последующее обсуждение в группе и презентация наиболее оптимального перевода;

- создание интеллектуальных карт, шаблонов по применению пассивных конструкций, релевантных выражений и их адаптация к русскому языку.

Вторая причина основана на том, что непонимание текста как целостной и связной макроструктуры не позволит переводчику создать качественный перевод, поскольку будет нарушена целостность текста и связанная с ней содержательная и коммуникативная организация, связность текста и его форма, структурная организация. Здесь стоит отметить, что подобная ситуация на практике реализуется следующим образом:

- переводчик работает с предложениями, а не высказываниями, абзацами, а не текстом;
- формальный подход к переводу нарушает важные внутренние связи между речевыми единицами, и текст не становится разорванным, тем самым не выражает авторскую идею;
- нарушение темы (известная информация) - ремы (новая информация) и актуальное членение предложения;
- текст воспринимается разрозненно, детали выступают в качестве главных структур, при этом игнорируется то, каким образом они взаимосвязаны;
- нарушается восприятие элементов русского текста, их логики, поиск и выбор средств связности текста.

Для этой цели оптимальным могут быть следующие интерактивные упражнения:

1. Коммуникативные упражнения на перефразирование, направленные на развитие речевой гибкости, минимизации переводческих ошибок, таких как самоповторы, опущения, добавления, лексико-грамматические ошибки.

2. Групповая / самостоятельная работа с последующим обсуждением и анализом, например, поиск эквивалентных пар снижает возможность нарушения норм лексической сочетаемости при переводе с одного языка на другой.

3. Исследовательская работы в группе по поиску оптимального варианта переводческой трансформации с целью не допустить буквальный перевод.

4. Интеллектуальные карты, направленные на систематизацию работы с клише, культурными реалиями, повышение экстралингвистических знаний обучающихся.

5. Дискуссионные группы по анализу собственного перевода, поиску ошибок и их исправлению.

Направленность на понимание и учет прагматической составляющей текста при выполнении заданий должны реализовываться через коммуникативную задачу, в единстве содержания, формы и прагматики, поскольку неудачно подобранный вариант конструкции может исказить смысл, добавить немотивированно экспрессивный характер.

В этой связи целесообразно применять коммуникативные упражнения, направленные на формирование навыка перебирать варианты и находить оптимальные конструкции для выражения мысли автора, отражения разных литератур, норм и ценностей, исторических периодов, традиций. Для этой цели были подобраны следующие виды упражнений:

- коммуникативные: поиск контекстуального смысла и грамотное переложение на исходный язык, анализ эффекта на читателя с точки зрения содержания высказывания, определение модели речевого поведения автора, оценка стратегий и тактик при переводе;

- языковые: работа с удачными и неудачными переводами конструкций (причастные и деепричастные обороты, сравнения, уточнения), упрощение / усложнение текста (простые предложения, отсутствие эпитетов, деепричастных оборотов и др., соединение простых предложений в одно сложное упражнение);

- аналитические: синтаксический анализ предложения, текста на уровне смысловой наполненности переводимых конструкций (в том числе характер связи между частями предложения), анализ способов перевода конструкций, анализ переводов текстов разных стилей и жанров, стилистических отклонений, отклонения авторского замысла, коммуникативной установки автора;

- практические: применение способов развертывания сообщения при переводе, перевод текста, совместная работа над ошибками методом «решения дилеммы» и «займи позицию», обратная связь

«переводчику» по критериям релевантности, адекватности, эквивалентности, соответствия стилю, жанру, теме, связности и целостности;

- творческие: работа со штампами и поиск новых замен, создание текста разного стиля, творческое решение переводческой проблемы;

- дискуссионные: студенты выступают в роли редактора (кейсы), первоначально оценивают сохранение общего смысла перевода, далее делают выводы о его качестве (неудачный выбор слов и словосочетаний, избыточность, повторы, неудачные обороты, которые обедняют текст, смысл требует динамики, немотивированный порядок слов, стилистические ошибки, логичность), работа над вычиткой.

Таким образом, применение разных типов упражнений, ориентированных не на индивидуальное самостоятельное, а на групповое обсуждение и анализ качества перевода, поиск лучших вариантов, слуховое восприятие текста, творческие задания, составление интеллектуальных карт позволяют развивать не только собственно языковые навыки, но также зрительную и слуховую память, догадку, прогнозирование, наблюдательность, внимание и логическое мышление, чувство языка.

Заключение

Таким образом, на основе вышеизложенного целесообразно сделать следующие выводы:

1. Подготовка студентов к переводческой деятельности должна осуществляться параллельно с обучением русскому языку. При этом стоит акцентировать внимание не только на грамматике, но и на синтаксисе, теории текста, стилистике и редактуре перевода. В этом случае актуализируются имеющиеся знания студентов, активизируется познавательная, творческая активность, развивается память, мышление, логика.

2. Интерактивные задания позволяют совместно находить решение переводческих задач, выявлять проблемы, исправлять ошибки. При этом основными видами упражнений можно считать коммуникативные, языковые, аналитические, практические, дискуссионные. Наиболее эффективными следует признать метод дискуссии, групповую деятельность, презентации, составление интеллектуальных карт, кейсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батраева О.М.* Игровые технологии как средство активизации учебного процесса при формировании коммуникативной и социокультурной компетенций // Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) / под ред. Г.Д. Ахметовой. – СПб.: Реноме, 2012. – С. 311–314.
2. *Белькова А.Е.* Интерактивный метод обучения на уроках русского языка как способ повышения познавательной активности учеников / А.Е. Белькова, Л.П. Лесниченко // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 1068– 1071.
3. *Боришанская М.М., Курбакова М.А.* Интерактивные методы в процессе обучения переводу // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. Т. 9. №1-6. – С. 124-127.
4. *Исролова С.М.* Понимание «интерактивность» и «интерактивное образование» в образовательной среде // Вопросы науки и образования. 2018. № 3. С. 122-124.
5. *Куликова К.М.* Интерактивные методы обучения на современном занятии по иностранному языку в неязыковом вузе // Современное педагогическое образование. 2020. №6. С. 18-21.
6. *Мальцева И.Г.* Обучение художественному переводу: комплекс упражнений по использованию стратегий доместикации и форенизации / И.Г. Мальцева, В.А. Усцова // Педагогическое образование в России. 2023. № 1. С. 79-86.
7. *Тарасенко О.С.* Организация интерактивного обучения в юридических вузах (пример методической разработки ролевой игры «Туристическая полиция») // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного: материалы II междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. –С. 144–149.
8. *Рахманкулова С.Е.* Обучение иноязычному синтаксису: функционально-когнитивный подход (на материале английского языка) / С.Е. Рахманкулова, Н.Е. Ибо, Л.И. Цветкова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 2. С. 71-83.
9. *Селеменова О.А.* Интерактивные формы и методы обучения в курсе синтаксиса русского языка // Современное образование. 2017. № 2. URL: 44-55. DOI: 10.25136/2409-8736.2017.2.22941
10. *Шмульская Л.С.* Интерактивные формы обучения русскому языку: учеб. пособие / Л.С. Шмульская, М.В. Веккесер; под общ. ред. Л.С. Шмульской. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2022. 111 с.

REFERENCES

1. *Batrayeva O.M.* Igrovyye tekhnologii kak sredstvo aktivizatsii uchebnogo protsessa pri vozniknovenii kommunikativnoy i sotsiokul'turnoy kompetentnosti // *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.) / pod red. G.D. Akhmetovoy.* – SPb.: Renome, 2012. – S. 311–314.
2. *Bel'kova A.Ye.* Interaktivnyy metod obucheniya na urokakh russkogo yazyka kak sposob povysheniya poznatel'noy aktivnosti pochet / A.Ye. Bel'kova, L.P. Lesnichenko // *Molodoy uchenyy.* 2015. № 23 (103). S. 1068–1071.
3. *Borishanskaya M.M., Kurbakova M.A.* Interaktivnyye metody v protsesse obucheniya perevodu // *Izvestiya MGTU «MAMI».* 2015. T. 9. №1-6. – S. 124-127.
4. *Isroilova S.M.* Ponimaniye «interaktivnosti» i «interaktivnogo obrazovaniya» v obrazovatel'noy srede // *Voprosy nauki i obrazovaniya.* 2018. № 3. S. 122-124.
5. *Kulikova K.M.* Interaktivnyye metody obucheniya na sovremennoy zanyatosti po inostrannomu yazyku v neyazychovom vuze // *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye.* 2020. №6. S. 18-21.
6. *Mal'tseva I.G.* Obucheniye khudozhestvennomu perevodu: kompleks uprazhneniy po ispol'zovaniyu strategiy vedeniya biznesa i foreni-za-tsii / I.G. Mal'tseva, V.A. Ustsova // *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii.* 2023. № 1. S. 79-86.
7. *Tarassenko O.S.* Organizatsiya interaktivnogo obucheniya v yuridicheskikh vuzakh (primernoy metodicheskoy razrabotki rolevoy igry «Turisticheskaya politsiya») // *Aktual'nyye problemy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo materiala: II mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ufa, 2016.* – S. 144–149.
8. *Rakhmankulova S.Ye.* Obucheniye inoyazychnomu sintaksisu: funktsiitsio-nal'no-kognitivnyy podkhod (na materiale angliyskogo yazyka) / S.Ye. Rakhmankulova, N.Ye. Ibo, L.I. Tsvetkova // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Gumanitiruyet.* 2018. Tom 4. № 2. S. 71-83.
9. *Selemeneva O.A.* Interaktivnyye formy i metody obucheniya v kurse sintaksisa russkogo yazyka // *Sovremennoye obrazovaniye.* 2017. № 2. URL: 44-55. DOI: 10.25136/2409-8736.2017.2.22941
10. *Shmul'skaya L.S.* Interaktivnyye formy obucheniya angliyskomu yazyku: ucheb. posobiye L.S. Shmul'skaya, M.V. Vekkesser; pod obshch. red. L.S. Shmul'skoy. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy un-t, 2022. 111

**ՈՌԻՍԵՐԵՆԻ ՇԱՐԱՀՅՈՒՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՏԵՐԱԿՏԻՎ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ
ՄԵԹՈԴՆԵՐԸ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ ԹԱՐԳՄԱՆՉԱԿԱՆ ԲԱԺԵԻ
ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻՆ**

Է.Ա.ԲԱԲԱԽԱՆՅԱՆ, Ա.Գ. ՄԵՍՐՈՊՅԱՆ

Վ.Յա. Բրյուսովի անվան պետական համալսարան

Հոդվածում քննարկվում են հումանիտար համալսարանի թարգմանիչ ուսանողներին ռուսաց լեզվի շարահյուսության ուսուցման ինտերակտիվ մեթոդները: Սահմանվել է, որ թարգմանչական աշխատանքների նախապատրաստումը պետք է իրականացվի ռուսաց լեզվի ուսուցմանը զուգահեռ: Այս դեպքում արժե կենտրոնանալ ոչ միայն քերականության, այլև շարահյուսության, տեքստի տեսության, ռեպրանության և թարգմանության խմբագրման վրա: Այս նպատակին հասնելու համար վերլուծվել են տարբեր ոճերի և ժանրերի ավելի քան 100 տեքստեր՝ ներկայացված հայերեն և անգլերեն, և դրանց թարգմանությունները Վ.Բրյուսովի պետական համալսարանի 2-3-րդ կուրսի ուսանողների կողմից: Այնուհետև դասընթացը կազմավորվեց և ուրվագծվեցին ուղղությունները: Բացահայտված են լեզվի իմացության թիրախային հիմնական խնդիրները: Յուրաքանչյուր խնդիր հաղթահարելու համար ներկայացվում են ինտերակտիվ վարժություններ: Նշվում է, որ տարբեր տեսակի վարժությունների կիրառումը, որը կենտրոնացած է ոչ թե անհատական անկախ, այլ խմբային քննարկման և թարգմանության որակի վերլուծության, լավագույն տարբերակների որոնման, տեքստի լողական ընկալման, ստեղծագործական առաջադրանքների, ինտելեկտուալ քարտեզների կազմման վրա, թույլ են տալիս ուսանողներին զարգացնել ոչ միայն իրենց լեզվական հմտությունները, այլև տեսողական և լսողական հիշողությունը, գուշակությունը, կանխատեսումը, դիտարկումը, ուշադրությունը և տրամաբանական մտածողությունը, լեզվի զգացումը: Առանձնացվում են վարժությունների հիմնական տեսակները՝ հաղորդակցական, լեզվական, վերլուծական, գործնական, քննարկում: Նշվեց, որ ամենաարդյունավետ մեթոդներն են՝ քննարկումը, խմբային գործունեությունը, ներկայացումները, մտքի քարտեզագրումը:

***Բանալի բառեր՝** ինտերակտիվ մեթոդներ, ուսուցում, շարահյուսություն, դեպք, թարգմանություն, տեքստ*

INTERACTIVE METHODS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE SYNTAX TO TRANSLATOR STUDENTS OF A HUMANITARIAN UNIVERSITY**E. A. BABAKHANYAN, A. G. MESROPYAN****V. Ya. Bryusov State University**

The article discusses interactive methods of teaching Russian language syntax to student translators of a humanitarian university. It is determined that the preparation of students for translation activities should be carried out in parallel with teaching Russian. At the same time, it is worth focusing not only on grammar, but also on syntax, text theory, stylistics and editing of translation. To achieve this goal, more than 100 texts of different styles and genres presented in Armenian, English and their translations by 2nd-3rd year students of the Yerevan State University named after V. Bryusov were analyzed. Then the course was structured and directions were designated. The main problems of proficiency in the language of translation were identified. Interactive exercises for overcoming each problem are presented. It is noted that the use of different types of exercises, focused not on individual independent, but on group discussion and analysis of the quality of translation, search for the best options, auditory perception of the text, creative tasks, drawing up mind maps allow developing not only language skills themselves, but also visual and auditory memory, guesswork, forecasting, observation, attention and logical thinking, a sense of language. The main types of exercises are highlighted – communicative, linguistic, analytical, practical, discussion. It is noted that the most effective should be recognized as the method of discussion, group activities, presentations, drawing up mind maps, cases.

Key words: *interactive methods, training, syntax, case, translation, text*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 апреля 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 29.05.2024.

ТРУДНЫЕ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ АРМЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ : ПОСТАНОВКА И КОРРЕКЦИЯ ЗВУКОВ *Ы* и *Щ*

М. З. ОВАКИМЯН

ГУ им. В. Я. БРЮСОВА

m.ovak@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с процессом языкового взаимовлияния русского и армянского языков при обучении русскому произношению студентов-армян, приводящие к возникновению звуковой интерференции, некоторые вопросы, касающиеся проблемы обучения русскому языку как иностранному – формирования и развития слухо-произносительных навыков и, в частности, проблемы развития фонематического слуха взрослых студентов-армян, влияния родного языка на фонематические процессы в ходе обучения русскому языку. В статье проведен небольшой сравнительно-сопоставительный анализ некоторых актуальных и трудных фонетико-фонологических явлений армянского и русского языков. На основе проведенного исследования автором предлагается для повышения качества учебного процесса некоторые приемы при обучении русскому произношению, нацеленные на сознательное усвоение студентами языкового материала и устранение звуковой интерференции.

Ключевые слова: интерференция, произношение, звуковая интерференция, фонематический слух, речевой слух, анализ, синтез, восприятия, артикуляция, фонематические процессы, артикуляционная моторика, артикуляционная гимнастика, фонологические факты, фонетические явления, сопоставительный анализ.

В процессе изучения русского языка студентами вузов РА формируются новые языковые навыки, которые выстраиваются на базе родного языка, следовательно, начинается процесс взаимодействия и взаимовлияния языков – языковая интерференция. В лингвистике понятие «интерференции» рассматривается в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, В.А. Виноградова, У.Ванрайха, А.Е. Карлинского и др. При взаимодействии родного и иностранного языков иностранный находится под влиянием родного и «влияние родного

языка на изучаемый может быть как положительным, так и отрицательным» [2, с. 197], поскольку «качество и количество интерференции зависит от особенности отношений между системами контактирующих языков» [4, с. 9-16].

Во всем многообразии интерференционных явлений особое место принадлежит фонетической интерференции, которая возникает в основном под влиянием родного языка. Она проявляется через интерференцию слуховых и произносительных навыков (Вайнрайх У., Вербицкая Л.А., Любимова Н.А.) и главным образом связана со слуховым восприятием фонетической системы второго языка через призму фонетической системы родного языка. Формирование и развитие слухо-произносительных навыков и развитие фонематического слуха, в особенности слабо развитые слухо-произносительные навыки, влияет на продукт коммуникации, затрудняет понимание чужого устного высказывания и устно звучащей речи вообще. Воспринимаемые на слух звуковые единицы русского языка уподобляются студентами звуковым единицам армянского языка, что, в свою очередь, приводит к искажению звукового образа слова и его ошибочному восприятию и воспроизведению. На наш взгляд, основным требованием к произношению студентов должна быть степень автоматизированности произносительных навыков, позволяющая адекватно воспринимать звучащую русскую речь [9]. Решение проблемы фонетической интерференции кроется в коррекции слухо-произносительных навыков: «интерференция на фонетическом уровне при различии системы фонем в разных языках связана с особенностями фонологического слуха и со взаимодействием сенсорного и моторного уровней» [7, с. 7].

В нашей статье «Некоторые проблемы языковой интерференции и формирования фонематического слуха при обучении русскому языку в вузах Армении» [9] мы попытались проследить цепочку некоторых основных проблемных явлений, связанных с постановкой фонематического слуха у студентов-армян (насколько это было возможно в рамках небольшой работы), поэтому мы не будем останавливаться на вопросах, относящихся к формированию и постановке фонематического слуха. Мы заостряем наше внимание на некоторых наиболее проблемных случаях формирования слухо-произносительных навыков

звуков **Ы** и **Щ**. Процесс развития фонетического слуха и становление артикуляционного аппарата у человека начинается с младенческого возраста и к дошкольному возрасту слухо-произносительные механизмы бывают сформированы на базе родного языка, т.е. происходит формирование эталонных зон: «В эталоне закодированы все информативные признаки фонем» [10, с. 24]. Для постановки правильной артикуляции необходима определенная система движений органов речи, формирующаяся под влиянием слухового и моторного анализаторов, Развивать следует те эталонные зоны изучаемого языка, которые отсутствуют в родном языке обучаемого и соответственно не различаются на слух [10, с. 3]. Чтобы выделить фонетические элементы, которые отсутствуют в языковых системах русского и армянского языков, проведем небольшой сравнительно-сопоставительный анализ некоторых актуальных и трудных фонетико-фонологических явлений армянского и русского языков, основываясь на работе А.С. Гарибяна и Дж.А. Гарибян «Краткий курс армянского языка» [3, с. 10-43].

В армянском алфавите 36 звуков, которые на письме отображаются 39 буквами. Звуки делятся на гласные и согласные. Гласных звуков 6, а гласных букв 8. Согласных звуков 30 и для каждого звука есть своя буква. Армянское письмо в основном звуковое: алфавит был создан по принципу один звук-одна буква, одной букве – один звук [3].

Гласные звуки армянского языка: **ш-а, ы- у, ր- и, է-э, օ о, ը Ә**.

Гласные звуки русского языка: **а о у э ы и**.

Кроме армянского [ը – Ә] и русского [ы] наблюдается совпадение гласных звуков двух языков, причем качество звуков и по способу образования, и по артикуляции одинаково:

Արիւր – [араб] – **араб**, – **նրիշի**–[урах] – **веселый** – [урал]; – **իմաստ** – **смысл** – [имам]; – **էջան** – [эжан] – [этаж]; **օրէնք** – [оренк] – **закон** – [орех].

В отличие от русских гласных, армянские гласные звуки не влияют на качество предыдущих и последующих согласных. Что касается специфичного армянского звука [Ә], то он качественно и артикуляционно похож на второй пердударный русский [а/о] по типу п[ъ]р[â]ход – пароход, барабан.

Аналога русскому звуку [Ы] в фонетической системе армянского языка нет, хотя иногда его пытаются идентифицировать с армянским звуком [ը – Յ] в определенных позициях. Но, по нашему мнению, ни качественно, ни артикуляционно (по способу образования) этот звук не функционирует в позиционном сочетании с согласными в армянском языке. Звук [Ы] в русской фонетической системе функционирует в позициях после твердых согласных и на письме отображает эту позицию.

В армянском языке есть двузвучные буквы Ե [Jэ], Ո [во] и трехзвучная буква և [Jэв]. В армянском двузвучный Ե [Jэ] произносится йотированно только в начале слова: և[Jэ]րբևիս – ербемн [jэrbemn] – иногда, և[Jэ]րիւց – ераз[jэраз] – сон, а в последующих слогах произносится как [Э]: տևար – т[э]тр – тетрадь, բերել – б[э]р[э]л – принести. То же касается и двузвучного Ո-во, который в начале слова произносится двузвучно [во]: ուզի-[во]ски – золото, ուր – [во]т – нога, а в последующих слогах как [О]: կորել – к[о]рел – потеряться, կարևել – кар[о]тел – соскучиться.

Буква և, в зависимости от позиции, может передавать сочетание трех или двух звуков: [ев] – [Jэв] или [эв]. В начале слова, в середине после гласного или отдельно произносится как [Jэв], а в остальных позициях как [эв]:

позиция [Jэв]: շուն և կատու – шун ев [Jэв] кату – собака и кошка, նաև на[Jэв] – также;

позиция [эв]: արև [эв] – ар[эв] – солнце, տերև [эв] – тер[эв] – лист (раст.)

Кроме однозвучных гласных звуков в русском языке функционируют четыре двузвучных сегментов, обозначаемых на письме соответствующими буквами: Е – Jэ, Ё – Jo, Ю – Jy, Я – Ja.

В отличие от русских йотированных двузвучий, которые в позиции после согласных сигнализируют о палатализации, армянские двузвучные звуки на качественные изменения согласного не влияют.

Произношение армянских двузвучий с **Ј**-ом и русских йотированных гласных полностью совпадает: **ясно** – [Ја]сно – յաշիւմիւն – [Ја]саман – сирень; **если** – [Јэ]сли – էրկար – [Јэ]ркар – длинный.

Пять гласных фонем армянского языка очень близки к русским по основным аллофонам: более передняя артикуляция гласного [э], достаточно сильная продвинутость вперед гласного [у] (в русском языке такое [у] слышится после мягких согласных), а также более глубокая артикуляция гласного [а].

В армянском языке насчитывается 30 согласных фонем, которым соответствуют 30 букв. Дифференциальные признаки согласных армянского языка отличаются от дифференциальных признаков русского: армянские согласные дифференцируются по признаку звонкость-глухость, деления же согласных по признаку мягкость-твердость не существует. В нормативном армянском языке все согласные являясь твердыми, хотя в устной речи наблюдаются некоторые диалектные варианты произношения в сторону смягчения согласных в определенных позициях.

Согласные звуки армянского и русские согласные по своим звуковым и качественным характеристикам, по способу образования и различения в основном соответствуют друг другу:

բ գ դ զ յ լ խ կ լ յ շ չ ջ ի յ յ շ չ ջ ի յ շ չ ջ ի յ շ չ ջ
б г д ж л х к м н ш п с в т ц ч ф

Армянский звук [h] произносится беспрепятственным выдохом воздуха и похож на южно-русский или украинский [г(h)]: **горизонт** – հորիզոն – и[горизонт], **гектар** – հեկտար – [гектар], **голова** – [голова] – հոլովա – [падеж] и пр.

Армянский согласный звук [j] схож с русским [й] в звонком произношении: **hայ** – [haj], **մայր** – [majp] – **мать**, – **дай**, – **сарай**.

Звук [n>pp] всегда произносится твердо и соответствует русскому твердому [pp] **արիթ** – [аритh] – **случай**, **բար** – [бар] – **слово**, – **рука**, – **рыба**.

Звук [p] всегда произносится менее твердо, с небольшим смягчением и соответствует русскому мягкому [p'] *արվեստ* – [арвест] – искусство, *օրեկան* – [орекан] – ежедневно, – *րիսկ* – *րեկա*.

Звуки *թ, ձ, ծ, ջ, ճ, դ, փ, ք, հ* не имеют соответствия в русском языке, хотя в устной русской речи в некоторых позициях прослеживаются звучания, близкие армянским звукам: звуки *թ* [th], *փ* [ph], *ք* [kh] – придыхательные, в русских словах в позиции на конце слова глухие согласные сильно оглушаются, произносятся с незначительным придыханием и по своему качеству приближаются к армянским звукам: столб-стол**th**, кот-кот**th**, сок-сок**h**.

Звуки *ձ, ծ, ջ, ճ* – аффрикаты, по своему качеству напоминают сплавы звуков, причем ни одна из составляющих при произношении не выделяется: *ձ* [д'з'] – д'зинь, *Դ՝ջրջինսկ*, *ծ* [т'с'] – тетрадь – т'етрад', *ջ* [д'ж] – д'жем – д'жон, *ճ* [т'ш] – т'щетно.

Не имеет соответствия в армянском языке русский звук **Щ**.

В армянском языке звонкие согласные в конце слова не оглушаются, что характерно для русского языка. Это связано с различиями в позициях фонем: в абсолютном конце слова в армянском языке может встретиться любой согласный и независимо от позиции согласного не происходит палатализации, хотя в речи можно услышать палатализованные аллофоны согласных [т], [д], [л] [См. 3].

Сопоставление некоторых фонетических явлений армянского (родного) языка и русского языка в сравнении, позволяет выявить общие и дифференцирующие признаки двух фонетических систем, при этом следует отметить, что различительных признаков больше, чем общих, поскольку эти два языка являются дальнеродственными.

Из речевого (звукового) потока учащиеся-армяне извлекают знакомую по родному языку информацию, поскольку в языковом сознании обучаемых закодировано аналогичное явление, которое может быть раскодировано при восприятии знакомого звукового кода в иностранном языке, извлекается из эталонной зоны родного языка и накладывается на воспринятый через слуховые рецепторы звуковой сигнал: даже при незначительном опознавании иноязычного звука начинается процесс фонематического распознавания и через трениро-

вочный процесс – закрепление в памяти. Усвоение студентами определенных теоретических знаний о фонетическом строе армянского и русского языков способствует становлению понятийного механизма образования звуков иностранного и родного языков, осознанию сопоставления особенностей систем звуков двух языков, что в свою очередь позволяет эффективно работать над произношением, используя принцип сознательной самокоррекции. На наш взгляд, основным требованием к произношению студентов должна быть степень автоматизированности произносительных навыков, позволяющая адекватно воспринимать звучащую русскую речь.

Для постановки правильной артикуляции необходима определенная система движений органов речи, формирующаяся под влиянием слухового и моторного анализаторов, чему способствует система специальных упражнений «для мышц артикуляционного аппарата, направленных на выработку нормального артикуляционного уклада органов артикуляции и перевоспитание патологически закрепившейся артикуляции» [11, с. 51], т.е. упражнений артикуляционной гимнастики [12]. Задачей артикуляционной гимнастики является тренировка подвижности органов речи, отработка соответствующих положений губ, языка, мягкого нёба, необходимых для правильного произнесения как всех звуков, так и каждого звука той или иной группы. Выполнение таких упражнений без участия зрительного анализатора невозможно, т.к. обучаемый должен видеть всю моторику производимых движений: положение кончиков губ, движение и положение языка относительно зубов и верхнего неба, движения нижней челюсти и др. Кроме того, необходимо соблюдать принцип последовательности – от простых упражнений к более сложным: все движения органов артикуляционного аппарата осуществляются последовательно, с паузами перед каждым новым движением, чтобы можно было контролировать качество движения, а обучаемый мог ощущать, осознавать, контролировать и запоминать свои действия. Для закрепления навыка произношения и положения органов речи действия должны систематически повторяться, доводиться до уровня автоматизма. Важно не только услышать, но и «увидеть» слово, звук: нужно повторить видимую артикуляцию губ, пытаться подражать. Многократное повторение кинестетического

ощущения от определенного движения ведет к закреплению двигательного навыка артикулирования, так как неразвитость органов речевого аппарата: мышц языка, нижней челюсти, мягкого нёба, губ и их недостаточная подвижность нередко являются причиной плохого произношения. У студентов артикуляционный механизм сформирован под влиянием фонематических процессов родного языка и подчиняется слуховому и кинестетическому контролю механизмов родного языка: слуховой анализатор контролирует и регулирует работу артикуляционного аппарата через кинестетические анализаторы, которые в свою очередь вызывают движения и определенные положения органов речи в момент проговаривания [6, с. 18].

Следовательно, различие специфических качеств звуков речи и формирование речевого слуха невозможно без участия артикуляционного аппарата, так как устанавливается прочная взаимозависимая функциональная связь между слуховым и речедвигательными анализаторами.

Как было отмечено выше, среди звуков армянского языка нет соответствия русских звуков [Ь] и [Щ], поэтому неудивительно, что среди прочих трудностей последние выделяются особо. Отсутствие в долговременной памяти студентов-армян эталонов этих звуков, неразличение и, естественно, в результате этого неверное проговаривание, приводят к многочисленным ошибкам как в устной, так и в письменной речи.

При коррекировке произношения звука [Ь] рекомендуем проводить довольно легкие упражнения артикуляционной гимнастики, которые не вызывают никаких затруднений. На уроке студентам предлагается сесть друг против друга, чтобы они видели движения органов речи и могли контролировать друг друга, а дома необходимо тренироваться перед зеркалом. Преподаватель объясняет, что при произнесении звука [Ь] кончик языка не прикасается к передним нижним зубам и весь корпус языка оттянут несколько назад и показывает положение нижней челюсти во время артикуляции [Ь], незначительно выдвигая ее вперед. Потом он объясняет, чем отличается произношение звука [И]: кончик языка упирается в передние нижние зубы, уголки рта незначительно растянуты и направлены вверх, демонстрирует движения

челюсти вперед-назад и произносит звуки [Ы] – [И], движения должны быть плавными и в самом начале замедленными, чтобы студенты при проговаривании звуков [Ы-И] могли зафиксировать в памяти разницу в артикуляции и качестве звука. Далее студенты несколько раз повторяют самостоятельно эти движения с проговариванием звуков, контролируя друг друга. Тренировочные упражнения предполагают в самом начале противопоставление сочетаний типа: от **ты-ти, мы-ми, сы-си, бы-би, вы-ви** и др. до многосложных слов, словосочетаний, предложений и выполняются с обязательной установкой: следить за движением нижней челюсти и положением языка, одним из конечных упражнений может быть басня И.А. Крылова «Свинья под дубом» с установкой: прослушайте басню, прочитайте самостоятельно, выучите наизусть.

В армянском языке нет звука **Щ** [Ш’], крайне редко он передается на письме двумя буквами շշ[шч], например: борщ – բորշշ – [борщч], Л.В. Щерба – Լ.Վ. Շչերբա – [Щчерба], а в устной речи чаще всего через [ш]: [ш]ит вместо щит, [ш]екотать вместо щекотать, [ш]упать вместо щупать и др.

К постановке звука [Щ] можно приступить лишь после постановки звука [Ш].

При произнесении звука Ш губы слегка округлены и вытянуты вперед (перед последующим гласным а округление минимально, перед **Ы (И)** округления может и не быть) «трубочкой». Зубы сближены на расстояние 1-2 мм, верхние и нижние резцы видны. Кончик языка поднят поднят к альвеолам или передней части твердого нёба «чашечкой», но не касается неба. Боковые края языка прижаты к верхним коренным зубам, а середина передней части языка образует полулунную щель как бы дно «ковшика» с небом сразу за альвеолами. Мягкое небо поднято, голосовые связки разомкнуты. Боковые края языка прижаты к коренным зубам и не пропускают по бокам выходящую струю воздуха. Голосовые связки не напряжены, раздвинуты, голос не образуется. Выдыхаемая струя воздуха сильная. Если руку тыльной стороной приложить ко рту, то ощущается тепло [5; 1, с. 38].

Звук [Щ] в русском языке произносится как долгий мягкий щелевой шипящий. При его произнесении губы округлены и слегка

выдвинуты вперед, верхняя губа чуть опущена. Широкий кончик языка поднят к передней части нёба (к альвеолам) до уровня верхних зубов, но не соприкасается, образуя щель, боковые края языка более плотно, чем при постановке звука [Ш], передняя часть спинки языка несколько прогибается, средняя часть приподнимается к твердому нёбу, задняя часть опущена и продвинута вперед. Язык напряжен вследствие сильного давления языка на нёбо. Нёбная занавеска поднята, голосовые складки разомкнуты. Сильная струя воздуха проходит через две щели: между средней частью спинки языка и твердым нёбом и между кончиком языка и передними зубами или альвеолами [1, с. 38]. Мышцы языка напряжены. Воздух прорывается через щель более узкую, чем при произнесении звука [Ш]. Образуется сложный шум, более высокий, чем при звуке [Ш]. Вообще, при артикуляции палатальных звуков характерна определенная распластанность языка в полости рта, соприкосновение боковых стенок языка с верхними коренными зубами.

Другой вариант постановки звука [Щ]: если правильно произносится звук [Ч], то от него легко получить звук [Щ], протянув завершающий звук [Ч] фрикативный элемент и отбросив начальный взрывной. Звук сразу же вводится в слоги, а затем в слова:

ша-ща, ча-ща, шу-щу, аш—ащ, уш-ущ, ош-ощ ;

чаши-чащи, мошна-мощна, дыши-ищи, шут-щука, шесть-щепень и др.

Далее могут быть скороговорки типа: **Наварила щука шей, угощала всех ершей. Накрыла мышка под плющом мышонка плющевым плащом и т.п.**

При самостоятельном артикулировании [Ш] – [Щ] студент должен понять разницу в положениях органов речи, уловить качественные акустические различия этих звуков, поскольку у студентов-армян уже сформированы эталонные зоны для звуков [Ш] и [Ч] на базе родного языка, в котором все согласные звуки являются твердыми. Отсюда и трудность в различении качества нового для них звука [Ш'] – [Щ] [13]. Упражнения для постановки и коррекции звуков выполняются многократно, с постепенным увеличением и усложнением наполнения упражнений. Преподаватель должен следить за качеством выполняемых движений: точность движения, плавность, темп выполнения,

устойчивость, переход от одного движения к другому. Для более прочного закрепления в памяти студентов и автоматизации навыков произношения звуков **Ы** и **Щ** мы рекомендуем использовать систему упражнений, представленную нами в пособии по практической фонетике [8; 9] и некоторых других наших работах по данной проблеме.

В нашей работе мы рассмотрим проблему, связанную с артикуляцией и коррекцией произношения звуков **[Ы]** и **[Щ]** у студентов-армян. Но однозначно можно сказать, что воспринимаемые на слух звуковые единицы русского языка уподобляются студентами звуковым единицам армянского языка, что, в свою очередь, приводит к искажению звукового образа слова и его ошибочному восприятию и воспроизведению. На наш взгляд, основным требованием к постановке произношению студентов должна быть степень автоматизированности произносительных навыков, позволяющая адекватно воспринимать звучащую русскую речь

ЛИТЕРАТУРА

1. Буденная Т.В. Логопедическая гимнастика: Методическое пособие. — СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2001. — 64 с. // URL: https://pedlib.ru/Books/4/0398/4_0398-39.shtml#book_page_top
2. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Гарибян А.С., Гарибян Дж.А. Краткий курс армянского языка. Пособие для самостоятельного изучения. Изд. 5-е. -Ереван, 1980. – 255 с. // artsakhlib.am; URL: https://vk.com/wall-211418523_191
4. Карлинский А.Е. Типология речевой интерференции // Зарубежное языкознание и литература. – Алма-Ата, 1972. – Вып. 2. - С. 9-16.
5. Логопед на дом. СПб.: Выборг // URL: https://vk.com/wall-151934631_148
6. Любимова Н.А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финско–русского двуязычия). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 194 с.
7. Момунбаева М.И. Восприятие и воспроизведение согласных неродного языка в условиях двуязычия (экспериментально–фонетическое исследование на материале киргизского, русского и французского языков): Диссертация ... кандидата филол. наук. – Л., 1984. – С. 5-14 // URL: search.rsl.ru/ru/record/01003428135
8. Овакимян М.З., Шиканян Е.Л., Осепян К.И. Практическая фонетика русского языка. Пособие со звуковым приложением. ЕГЛУ им.Брюсова: Изд-во “Лингва”, Ереван, 2010.
9. Овакимян М.З. Некоторые проблемы языковой интерференции и формирования фонематического слуха при обучении русскому языку в вузах Армении // «Русский язык в Армении». 2023. № 2 (117). С. 25-38 // URL: <https://ruslanginarmenia.aspu.am/index.php/ruslanginarmenia/issue/view/4/10>
10. Сорокина Е.В. Развитие речевого слуха студентов-иностранцев при обучении их русскому языку // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2005. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rechevogo-sluha-studentov-inostrantsev-pri-obuchenii-ih-russkomu-yazyku>
11. Чупров Л.Ф. Терминологический словарь по логопедии и нейропсихологии (учебно-методическое пособие) // Эл. научный журнал. М., 2012 // URL: https://vk.com/wall-163908593_1111
12. <https://yusupovs.com/articles/rehab/artikulyatsionnaya-gimnastika/>
13. https://www.defectologiya.pro/zhurnal/postanovka_zvuka_shh_artikulyatsiya_zvuka_shh/

REFERENCES

1. *Budennaya T.V.* Logopedicheskaya gimnastika: Metodicheskoe posobie. — SPb.: DETSTVO-PRESS, 2001. — 64 s.
2. *Vinogradov V. A.* Interferenciya // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar', M., 1990.
3. *Garibyan A.S., Garibyan Dzh.A.* Kratkij kurs armyanskogo yazyka. Posobie dlya samostoyatel'nogo izucheniya. Izd. 5-e. – Erevan, 1980-255 s. artsakhlib.am // URL: https://vk.com/wall-211418523_191
4. *Karlinskij A.E.* Tipologiya rechevoj interferencii // Zarubezhnoe yazykoznanie i literatura. – Alma-Ata, 1972. – Vyp. 2. - S. 9-16.
5. Logoped na dom (SPb, Vyborg) // URL: https://vk.com/wall-151934631_148
6. *Lyubimova N.A.* Foneticheskij aspekt obshcheniya na nerodnom yazyke (v usloviyah finsko–russkogo dvuyazychiya). – L.: Izd-vo LGU, 1988. – 194 s.
7. *Momunbaeva M.I.* Vospriyatie i vosproizvedenie soglasnyh nerodnogo yazyka v usloviyah dvuyazychiya (eksperimental'no–foneticheskoe issledovanie na materiale kirgizskogo, russkogo i francuzskogo yazykov) // Dissertaciya ... kandidata filol. nauk. – L., 1984. – S.5-14. // URL: search.rsl.ru/record/01003428135
8. *Ovakimyan M.Z., Shikanyan E.L., Osepyan K.I.* Prakticheskaya fonetika russkogo yazyka. Posobie so zvukovym prilozheniem. EGLU im. Bryusova: Izd-vo “Lingva”, Yerevan, 2010.
9. *Ovakimyan M.Z.* Nekotorye problemy yazykovej interferencii i formirovaniya fonematičeskogo sluha pri obuchenii russkomu yazyku v vuzah Armenii // «Russkij yazyk v Armenii». Yerevan, 2023. № 2 (117). S/ 25-38 // URL: <https://ruslanginarmenia.aspu.am/index.php/ruslanginarmenia/issue/view/4/10>
10. *Sorokina E.V.* Razvitie rechevogo sluha studentov-inostrancev pri obuchenii ih russkomu yazyku // Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2005. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rechevogo-sluha-studentov-inostrantsev-pri-obuchenii-ih-russkomu-yazyku>
11. *Chuprov L.F.* Terminologicheskij slovar' po lpgopedii i nejropsihologii (uchebno-metodicheskoe posobie) // El. nauchnyj zhurnal. M., 2012 // URL: https://vk.com/wall-163908593_1111
12. <https://yusupovs.com/articles/rehab/artikulyatsionnaya-gimnastika/>
13. https://www.defectologiya.pro/zhurnal/postanovka_zvuka_shh_artikulyacziya_z_vuka_shh/

**ՀԱՅԵՐԵՆԻ և ՌՈՒՍԵՐԵՆԻ ԲԱՐԴ ՀՆՉՅՈՒՆԱՅԻՆ-
ՀՆՉՅՈՒՆԱԲԱՆԱԿԱՆ ԵՐԵՈՒՅԹՆԵՐ. Ը և Մ ՀՆՉՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԶԵՎԱՎՈՐՈՒՄ ՈՒՂՂՈՒՄ և ՇՏԿՈՒՄ**

Մ. Չ. ՀՈՎԱԿԻՄՅԱՆ

Վ. Բրյուսովի անվ. ՊՀ

Հոդվածում քննարկվում են հայ ուսանողներին ռուսերեն արտասանության ուսուցման ժամանակ ռուսաց և հայոց լեզուների լեզվական փոխազդեցության գործընթացի հետ կապված խնդիրները, որոնք հանգեցնում են հնչյունների փոխազդեցության առաջացմանը, ռուսերենը որպես օտար լեզու դասավանդելու խնդրին՝ լսողա-արտասանական հմտությունների ձևավորմանը և զարգացմանը վերաբերող որոշ հարցեր, մասնավորապես՝ չափահաս հայ ուսանողների հնչյունաբանական լսողության զարգացման խնդիրները, ռուսաց լեզվի ուսուցման ընթացքում հնչյունաբանական գործընթացների վրա մայրենի լեզվի ազդեցությունը: Հոդվածում կատարվել է հայերենի և ռուսերենի որոշ արդիական և բարդ հնչյունաբանական երևույթների համեմատական-համադրական փոքր վերլուծություն: Ուսումնասիրության հիման վրա հեղինակը առաջարկում է ռուսերեն արտասանության և ուսումնական գործընթացի որակը բարելավելու համար դասավանդման որոշ մեթոդներ, որոնք ուղղված են ուսանողների կողմից լեզվական նյութի գիտակցված յուրացման և ձայնային միջամտության վերացմանը:

***Բանալի բառեր.** միջամտություն, արտասանություն, հնչյունների փոխազդեցության, հնչյունաբանական լսողություն, խոսքի լսողություն, վերլուծություն, սինթեզ, ընկալումներ, առտաբերություն, հնչյունաբանական գործընթացներ, առտաբերության շարժողություն, առտաբերական մարմնամարզություն, հնչյունաբանական փաստեր, հնչյունական երևույթներ, համեմատական վերլուծություն:*

**DIFFICULT PHONETIC-PHONOLOGICAL PHENOMENA OF THE
ARMENIAN AND RUSSIAN LANGUAGES: FORMATION AND
CORRECTION OF THE SOUNDS «Y» and «Shch»**

M. Z. OVAKIMYAN

V.Y. Bryusov State University

This article discusses the problems associated with the process of linguistic mutual influence of the Russian and Armenian languages in teaching Russian pronunciation to the Armenian students, leading to the emergence of sound interference, some issues related to the problem of teaching Russian as a foreign language – the formation and development of auditory pronunciation skills and, in particular, the problems of the development of phonemic hearing of adult Armenian students, the influence of the native language on phonemic processes in the course of teaching the

Russian language. The article carries out a comparative analysis of some relevant and difficult phonetic-phonological phenomena of the Armenian and Russian languages. Based on the research, the author proposes some techniques for teaching Russian pronunciation to improve the quality of the educational process, aimed at students' conscious assimilation of language material and the elimination of sound interference.

Key words: *interference, pronunciation, sound interference, phonemic hearing, speech hearing, analysis, synthesis, perception, articulation, phonemic processes, articulatory motor skills, articulatory gymnastics, phonological facts, phonetic phenomena, comparative analysis.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 12 марта 2023 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 29.05.2024.

У НАС В ГОСТЯХ

ХУДОЖЕСТВЕННО-КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ВЕРОЯТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А. Р. АРАКЕЛЯН

АГПУ им. Хачатура Абовяна
arsarm2001@yahoo.com

В условиях постоянно меняющегося, глобализирующегося мира, сосредоточенного на удовлетворении базовых потребностей и намеренно игнорирующего или искажающего этические ценности и категории, особенно важным представляется обращение к значительным и авторитетным – вневременным – литературным именам, чье творческое наследие сохранило и доносит до читателя то нравственное кредо, которое является залогом духовного выживания и развития человеческой личности. С учетом изменений, обусловленных переходом к цифровым методам визуализации, актуализируется перенос художественного – авторского – текста на экран, что дает возможность передачи нравственной идеи, лейтмотивной для всего творчества Достоевского, максимальному числу реципиентов. В фокусе внимания данной статьи – этическая целесообразность и перспективы экранных воплощений текстов великого русского классика.

Ключевые слова: Достоевский, динамика, достоверность, визуализация, экран, кадр, кино.

Исследователи творчества Достоевского отмечают его интерес к театру, и доказательством заинтересованности русского классика в динамической визуализации сюжета и образов могут служить неудавшиеся попытки написания им пьес, что дает основание предполагать, что тяга к “оживлению” своих творческих проявлений как-то незаметно для окружающих таилась в его мятущейся душе. Оказывается,

“Преступление и наказание” изначально планировалось автором как драматургическое произведение [1, с. 97].

Сам Достоевский, обращаясь к Суворину, писал: «У меня какой-то предассудок насчет драмы. Белинский говорил, что драматург настоящий должен начинать писать с двадцати лет. У меня это и засело в голове. Я все не осмеливался. Впрочем, нынешним летом я надумывал один эпизод из “Карамазовых” обратить в драму» [Там же]. Примечательно, что из романа в роман усиливая динамику и экспрессию, Достоевский полагал, что на сцене невозможно обеспечить *жизненное пространство* для созданных им художественных образов, чьим отправным мотивом выступает страсть, дать им возможность достоверного и масштабного “движения”. В то же время, по замечанию исследователя жизни и творчества писателя И.Л. Волгина, литературный, эмоциональный, смысловой объём произведений Достоевского “...абсолютно неподъёмен ни для сцены, ни для экрана. Зритель рискует заблудиться в этом чудовищном лабиринте человеческих отношений”.

Такое наблюдение именитого литератора обоснованно и подтверждается отсылкой к самому Достоевскому, которому виделась непосильной задачей словами передать эмоциональную экспрессивность, характерную для его творческого гения: “Я перечел теперь то, что сейчас написал, и вижу, что я гораздо умнее написанного. Как это так выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нём остается?”

С опорой на статьи российских театральных критиков, рецензентов, драматургов, писателей и журналистов конца XIX века можно заметить, несколько прохладное отношение с их стороны к театральным постановкам определённых эпизодов романов Достоевского, получивших в основном сдержанные отклики, поскольку, вероятно, спектакли не добирали “градус” писателя и не передавали размаха и кинетики описанных в романе сцен.

По мнению прославленной русской актрисы XIX века М.Н. Ермоловой, исполнительницы роли Настасьи Филипповны в постановке “Идиота”, Достоевский – гениальный писатель, но вынуждает своих героев страдать, оказываться в безвыходных ситуациях, что не

совпадает с целями искусства. В этом же пространстве оказываются также читатель и зритель. Тем не менее, понятие “театр Достоевского” утвердилось в российском искусстве и сегодня переживает подъем, что обусловлено как ускорением развития социума, так и усилением дуализма, обострением социального и ментального противостояния и чему предпосылки находим в творчестве русского классика.

В наши дни, когда человечество оказалось во власти “религии счастья”, примитивного и легкодоступного для человечества, мало кому захочется оказаться в изощрённых лабиринтах Достоевского. В то же время, именно с воцарением этой потребительской религии и начинается актуализация творчества Достоевского. Из полуторавековой дали мыслитель ставит человека, рискнувшего войти в его мир, перед, казалось бы, неразрешимой задачей – проблемой экзистенциального выбора и поисков смысла в сфере не потребления, а нравственной идеи и вечных неустаревающих ценностных категорий.

На наших глазах книги сдают свои позиции в формировании общественного сознания. Поэтому, если мы хотим довести нравственную доктрину Достоевского до конкретного человека, необходимо пойти в обход, то есть передать этический посыл писателя через экран. В таком случае спорным видится замечание Волгина относительно “неподъёмности” Достоевского для кинематографа и ставящего под вопрос возможности визуального искусства для полноценного отражения микрокосма души великого писателя.

Сам Достоевский писал, что “...человек ищет не столько бога, сколько чудес” [3]. В этом контексте с позиции второй половины XIX века перспектива создания кинематографа может трактоваться как чудо.

Обращаясь к нашей статье “Язык кино”, заметим: “Если приглядеться, можно заметить, что в условиях постиндустриального общества основным источником информации, знаний, эмоций и впечатлений является плоский экран различных размеров, стационарный или мобильный, на котором появляются и исчезают какие-то изображения, иногда – тексты. <...> То есть в нашем мире образовалась определённая замкнутая система: человек-экран, где человек вторичен. Он думает, рассуждает, решает и поступает вроде бы

согласно велениям свободной воли, а на самом деле все эти действия происходят по формуле “Так говорит Заратустра”, то есть - экран.

А Его Величество Экран владеет исключительно одним языком – языком Великого Немого, языком кино. Языком могучим и многоликим, что делает его приоритетным фактором в матрице всечеловеческого существования”.

Бесспорно, в случае с экранизацией произведений Достоевского планка чрезвычайно высока, но то, что теоретически могло видаться самому писателю как вероятное чудо, сегодня может быть осуществимо практически, чему подтверждение служат редкие, но удачные киноплощадки романов Достоевского.

Восточная мудрость гласит: стрела полетит дальше, если направить её к солнцу, чем к не очень далёкому дереву. Экранизация произведений Достоевского – серьёзное испытание для всех специалистов кинопроизводства, несмотря на то, что в вопросе визуализации кинематограф технически и технологически всемогущ, особенно с учетом новейших компьютерных технологий. Попытка “замахнуться” на самого Достоевского – свидетельство творческой дерзости, однако, с шансом “блестящего” провала, поскольку творческий гений Достоевского не прощает необоснованных амбиций.

С другой стороны, нет такой литературы, которую невозможно переложить на язык кино. Всё зависит от того, кто берётся за исполнение этой задачи и, главное, какую цель он преследует. В случае с Достоевским последнее утверждение особенно важно при выборе ракурса экранизации его романов.

Возвращаясь к вышеприведенной цитате, вынуждены констатировать, что сам Достоевский – по собственному признанию – не в состоянии адекватно предать бумаге всю глубину своих мыслей, чувств и действий в их невообразимом переплетении.

Тем самым, прибегая к языку символов, можно заметить, что “кино Достоевского” существовало ещё со времён самого Достоевского и его в оригинале смотрел один единственный зритель – сам автор, воображая и проецируя на гипотетический экран свои сюжеты и персонажей. Он был не сторонним зрителем, писатель жил в этих фильмах, не играя, а вживаясь в каждое действующее лицо, в каждую

им созданную роль: любил как Митя Карамазов, страдал как Иван Карамазов, грешил как Фёдор Карамазов, мучил себя и своих героев, убивал, был травим и одновременно травил гончими псами несчастного мальчика. И – страдал... Страдал и каялся так, как уже никто не сможет страдать и каяться. Нам досталось то, что Достоевский списал с экрана своего воображения. Он конспектировал тексты и словами ваял мизансцены экранных эпизодов. Но *так* страдал, *так* писал, *так* превращал в слова фантазмагорическое клокотание страстей своих героев, их, то есть свои мятущиеся мысли, неординарные действия, что навсегда стал памятником человеческому духу. Нам же можно увидеть эти фильмы только в отражённом формате, как тени на стене пещеры Платона, - в виде книг классика.

Зигмунд Фрейд отмечает четыре ипостаси “богатой личности” Достоевского: художника, невротика, моралиста и грешника [5]. По мнению Фрейда, наиболее шаткой ипостасью писателя является Достоевский-моралист, так как моральным он считает не воздержание от греха, а погружение в трясины греховности - для последующего иступлённого покаяния (рерайт отрывка из статьи Фрейда “Достоевский и отцеубийство”). А как заставить современного зрителя “идти” за автором на “круги” грехов, противоречащих моральным канонам? А затем страдать и каяться синхронно с героями? И идти добровольно, имея возможность закрыть дверь в недружелюбный мир “кино Достоевского” и спокойно наслаждаться сериалами и чипсами?

Однако есть в глубине души человека уголок, где запрятана его тайная потребность в страдании. Потому что без страдания нет радости, покаяние – это дорога к богу, поиск бога, подсознательный и неистребимый. Достоевский владеет искусством взывать к этому потаённому уголку, и зритель не может оторваться от экрана.

Риторическим представляется вопрос, а нужно ли зрителю “кино Достоевского” или, по слову Ермоловой, вжившейся в образ трагической героини писателя, мучить людей несуществующими кошмарами “достоевщины” не согласуется с идеей высоко искусства.

Каковы перспективы экранизаций произведений Достоевского в будущем?

Мы думаем, что значимость “кино Достоевского” возрастает день ото дня. По мнению специалиста по теории сознания Татьяны Черниговской, “всё человечество спятило”. Понятие “спятило” – это снижение уровня ответственности за свои действия у “облака”, называемого человечеством.

“Господь покидает свою паству. Впрочем, нет, совсем наоборот – паства изгоняет Бога. Не осталось Спасителю места среди нас. Закончилась эра переменного успеха борьбы Бога с Сатаной. Немногие остались верны Божьим заповедям, но их тоже закрутило в разрушительном водовороте обезумевшего человечества. Исчезает гармония души, духа и тела. Со дня на день обесцениваются высокие отношения, благородство, бескорыстие, самоотречение. Умирает – за ненадобностью – совесть”.

В описанной ситуации “кино Достоевского” – это горькое лекарство от полного растворения названных выше общечеловеческих ценностей в потребительском дискурсе современной действительности.

Рейтинги этих фильмов не могут быть критерием успеха также, как вкус лекарства не всегда приятен. Но это лекарство крайне необходимо “больному” человечеству.

Мы не хотим замкнуть понятие “кино Достоевского” на экранизации произведений классика. Для себя мы включаем в эту элитную лигу кинематографа все те фильмы, где создатели ленты вложили – говоря фигурально – в каждый кадр плёнки мысли и чувства высочайшего градуса накала, достойные быть проходным цензом. Этих фильмов снято довольно много и в Советском Союзе, и в России и в других странах. Но одного режиссёра мы хотим отметить особо – Андрея Тарковского. Нам кажется, что он в своё отношении к миру божьему немножко “Достоевский”. Очень хотелось бы, чтобы на кинофестивалях появилась бы номинация “Кино Достоевского” – за фильм, пробуждающий в людях бога в душе – совесть.

И, поскольку во времена Шекспира кинематограф ещё не изобрели, сегодня мы смело можем переиначить его строку: “Вся жизнь – кино. В нем женщины, мужчины — все зрители...”

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрова А.В. Инсценировки романов Достоевского (первые опыты) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 3. Стр. 96-115. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021
2. Франкл, Виктор. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. Пер. с нем. 2-е изд. — М.: ООО «Альпина нон-фикшн», 2022. 338 с. // URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15798-otchayanie-ot-otchayaniya-pochemu-nam-zhiznenno-vazhno-stradat>
3. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы // URL: <https://eksmo.ru/interview/20-tsitat-iz-knig-fedora-dostoevskogo-ID3792790/>
4. Кладова Н.А. «Подросток» Ф.М. Достоевского: идея сюжета // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2018. № 5. С. 54–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.54
5. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // URL: <http://www.psychiatry.ru/stat/151>

REFERENCES

1. Burmistrova A.V. Instsenirovki romanov Dostoyevskogo (pervyye opyty) // *Neizvestnyy Dostoyevskiy*. 2019. № 3. Str. 96-115. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021
2. Frankl Viktor. Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistsentsial'nyy analiz. Per. s nem. 2-ye izd. — M.: ООО «Al'pina non-fikshn», 2022. 338 s. // URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15798-otchayanie-ot-otchayaniya-pochemu-nam-zhiznenno-vazhno-stradat>
3. Dostoyevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy // URL: <https://eksmo.ru/interview/20-tsitat-iz-knig-fedora-dostoevskogo-ID3792790/>
4. Kladova N.A. «Podrostok» F.M. Dostoyevskiy: ideya syuzheta // *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki*. 2018. № 5. S. 54–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.54
5. Freyd Z. Dostoyevskiy i ottseubiystvo // URL: <http://www.psychiatry.ru/stat/151>

**Ֆ. Մ. ԴՈՍՏՈՆԵՎՍԿՈՒ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ԿԻՆՈՅԻ ԸՆԿԱՆՈՒՄԸ
ՈՐՊԵՍ ՀՆԱՐԱՎՈՐ ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ**

Ա. Ռ. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ

Խաչատուր Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ

Անընդհատ փոփոխվող, գլոբալացվող աշխարհում, որը կենտրոնացած է հիմնական կարիքների բավարարման վրա և միտումնավոր անտեսում կամ խեղաթյուրում է էթիկական արժեքներն ու կատեգորիաները, հատկապես կարևոր է անդրադառնալ նշանակալի և հեղինակավոր – հավերժական – գրական անուններին, որոնց ստեղծագործական ժառանգությունը պահպանել և ընթերցողին է փոխանցում այն բարոյական դավանանքը, որը մարդու հոգևոր գոյատևման և զարգացման գրավականն է: Հաշվի առնելով թվային վիզուալիզացիայի մեթոդների անցման հետևանքով առաջացած փոփոխությունները, արդիականացվում է գեղարվեստական – հեղինակային – տեքստի փոխանցումը էկրանին, ինչը հնարավորություն է տալիս փոխանցել բարոյական գաղափարը, որը բնորոշ է Դոստոևսկու ամբողջ ստեղծագործությանը: Այս հոդվածի ուշադրության կենտրոնում ռուս մեծ դասականի տեքստերի էկրանային մարմնավորումների էթիկական նպատակահարմարությունն ու հեռանկարներն են:

Բանալի բառեր՝ Դոստոևսկի, դինամիկա, հավաստիություն, վիզուալիզացիա, էկրան, կտոր, կինո:

**ARTISTIC-CINEMATOGRAPHIC RECEPTION OF
F. M. DOSTOEVSKY AS A POSSIBLE REALITY**

A. ARAKELYAN

Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan

In the constantly changing and globalizing world, focused on satisfying basic needs and intentionally ignoring or distorting ethical values and categories, it is particularly important to turn to significant and authoritative - timeless - literary figures, whose creative legacy preserves and conveys the moral creed that is essential for spiritual survival and human development. With the emergence of digital visualization methods, the adaptation of artistic - authorial - texts to the screen is being actualized, allowing for the transmission of moral ideas, which are

the leitmotif of Dostoevsky's works, to a maximum number of recipients. The focus of this article is on the ethical feasibility and prospects of screen adaptations of texts by the great Russian classic.

Key words: *Dostoevsky, dynamics, reliability, visualization, screen, frame, cinema.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 22 декабря 2023 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 27.02.2024.

**ՀԱՅԵՐԵՆԻ ԵՒ ՌՈՒՄԵՐԵՆԻ՝ ՀԱԳՈՒՄՏ ԿԱՄ ՆՐԱ
ՄԱՍ ԱՆՎԱՆՈՂ ԲԱՌ-ԲԱՂԱԴՐԻՉՆԵՐՈՎ
ԳԱՐԶՎԱԾՔՆԵՐԻ ՀԱՄԵՄՏՏԱԿԱՆ ՔՆՆՈՒԹՅՈՒՆ**

**ՌՈՒԶԱՆ ԶՈՒԼՖԱՅԱՆ,
ԳԱՅԱՆԵ ԽԱԼԱԹՅԱՆ
Խ. Արժանի անվան ՀՊՄՀ
rrdzh@mail.ru**

Հոդվածը նվիրված է հայերենի և ռուսերենի՝ հազուստ կամ նրա մաս անվանող բառ-բաղադրիչներով դարձվածքների համեմատական քննությանը:

***Բանալի բառեր.** հազուստ անվանող բառ-բաղադրիչներ, հազուստի մաս անվանող բառ-բաղադրիչներ, մշակույթի առանձնահատկություններ, համարժեքը չունեցող բառեր, մասնակիորեն համարժեքը չունեցող բառեր, մշակութային տեղեկատվություն կրող միավորներ:*

Այս կամ այն լեզվով խոսելիս մարդիկ գործածում են ոչ միայն առանձին բառեր և ազատ բառակապակցություններ, այլև կայուն վերախմաստավորված բառակապակցություններ՝ դարձվածքներ, որոնք խոսողության գործընթացում չեն ստեղծվում, այլ վերցվում են որպես լեզվում եղած պատրաստի կազմություններ, ինչպես որ բառերը: Խոսքի ռճական ճիշտ ընկալումն ու իմացությունը պայմանավորված են հատկապես այդ լեզվում տարածված դարձվածքների իմացությամբ: Առավելաբար կարևոր է այն դարձվածքների իմացությունը, որոնք, կազմելով տվյալ լեզվի դարձվածաբանական միջուկը, ունեն նաև ազգի մշակութային արժեքները ներկայացնելու հնարավորություն: Դրանց շարքն են դասվում հազուստների անուններ պարունակող դարձվածքները:

Սույն հոդվածում փորձ ենք անելու ուսմնասիրելու հազուստների անուններ պարունակող դարձվածքները՝ որպես ազգային-մշակութային տարրեր կրող միավորներ՝ դիտարկելով դրանք լեզվամշակութային տեսանկյունից:

Հազուստների անուններ պարունակող դարձվածաբանական միավորի իմաստաբանությունը համընկնում է բառաբանությանը, և որոշ դարձվածային միավորներ անվանում են երկրի անցյալի և ներկայի

այնպիսի երևույթներ, որոնք միշտ չէ, որ ունեն իրենց համարժեքները այլ երկրների և ժողովուրդների ազգային մշակույթներում:

Հայերեն և ռուսերեն դարձվածքաբանական միավորներն արտացոլում են յուրաքանչյուր ազգի մշակույթի առանձնահատկությունները, այսինքն՝ դրանց կազմիչ միավորները, տարրերը աշխարհաճանաչողական հարուստ նյութ են պարունակում: Դարձվածքաբանական միավորի կազմից որոշ բառեր կարող են համարժեքներ չունենալ, այսինքն՝ չեն կարող համեմատվել որևէ այլ լեզվի բառապաշարի հայեցակարգի հետ և չեն կարող թարգմանվել այլ լեզվով: Օրինակ, ռուսական և հայկական ազգային հագուստներն ունեն իրենց բնորոշ յուրահատկությունները, ուստի ազգային-մշակութային տեսանկյունից այս երկու լեզուներում էլ կան իրենց համարժեքը չունեցող (безэквивалентные) կամ մասնակիորեն համարժեքը չունեցող (неполноэквивалентные) բառեր՝ էկզոտիզմներ, որոնք տեղեկություն են տալիս նշված առարկայի, երևույթի, հատկանիշի կամ գործողության մասին տվյալ երկրին հատուկ մեկնաբանությամբ:

Տարաշխարհիկ բառերը (էկզոտիզմներ) այս կամ այն ազգի կենցաղային իրերը՝ հագուստ, նվագարան, ճաշատեսակները, սովորույթները, մշակույթն արտացոլող բառերն են, որոնք իրենց կապը չեն կտրել «սաղյուր» լեզվից: Այս բառերը չեն յուրացվում փոխառյալ լեզվում, չեն կորցնում իրենց արտասանական առանձնահատկությունները և գործածվում են՝ տվյալ լեզվում օտար առարկան կամ երևույթը բնութագրելու համար:

Էկզոտիզմն այն է, ինչ բնորոշ է օտար ազգերի իրականությանը, կենցաղին, մշակույթին և ինչը բնորոշ չէ այլ ազգերին: *Էկզոտիզմ* բառը փոխառություն է հունարենից (exotisme) և նշանակում է «օտարերկրյա» այն բնութագրում է բառապաշարի ազգամշակութային շերտը, որն արտահայտվում է տվյալ լեզվում այլ ազգերի նյութական և հոգևոր մշակույթների առանձնահատկությունները ներկայացնող լեզվական միավորների կիրառմամբ: Այսպիսով, էկզոտիզմները մի ամբողջ ազգի մշակույթն ու կենցաղը բնութագրող անվանումներ են: Այս բառերը պայմանավորված են միայն տվյալ լեզուն կրող ազգի մշակույթով և կենցաղով կամ տարածքային առանձնահատկություններով: Նշենք դրանցից մի քանիսը ռուսերենում:

✓ *Сарафан* – «սարաֆան» – 1. կանացի թելթել, առանց թևերի ամառային զգեստ, 2. (*լիստո*), ռուսական ազգային կանացի հագուստ է: Բառի իմաստը հայերենն արտահայտում է նկարագրական եղանակով [1, էջ 1284]: Բառը ռուսերենում հանդիպում է *Сарафанное радио* [9, с. 444] – *բամբասանք, ասեկոսե* իմաստն ունեցող դարձվածքում:

✓ *Фрак* – «ֆրակ», *ֆրանս. Frac* – տղամարդու սյուրտուկի մի տեսակ, որ առջևից կարճ ու բաց լանջեզրեր ունի, իսկ հետևից՝ երկար, միջատված տուտիկազնում են սովորաբար հանդիսավոր առիթների ժամանակ: Բառի իմաստը հայերենն արտահայտում է նկարագրական եղանակով [1, էջ 1610]: Բառը ռուսերենում հանդիպում է *как раку фрак* դարձվածքում, որ նշանակում է *անպետք, անիմաստ մի բան*:

Այսպիսով, հագուստների անուններ պարունակող դարձվածաբանական միավորներն արտացոլում են հայկական և ռուսական ազգային մշակույթները, քանի որ դրանք նկարագրում են որոշակի սովորույթներ, ավանդույթներ, կյանքի և մշակույթի առանձնահատկություններ, պատմական իրադարձություններ և շատ ավելին:

Հագուստի մի շարք անուններ թե՛ հայերենում, թե՛ ռուսերենում այսօր պատմաբաներ են. գործածությունից դուրս է եկել հագուստի տեսակը, ակտիվ բառապաշարից դուրս է եկել այն անվանող բառը: Վկայենք մի քանի պատմաբաներ ռուսերենում:

✓ *Епанча* – փոխառություն թուրքերենից (*jarundza*) [5, էջ 138], երկար, լայն թիկնոց: Բառը հանդիպում է *одного сукна епанча* դարձվածքում, որ ասվում է իրար նման մարդկանց կամ առարկաների մասին: *He нашего сукна епанча* դարձվածքում, որը նշանակում է «մեզ համապատասխան մարդ չէ»:

✓ *Кафтан* – փոխառություն թուրքերենից (*haftan*) [5, էջ 191], տղամարդու երկար հագուստ: Բառը հանդիպում է *Тришкин кафтан* դարձվածքում, որ նշանակում է արտաքին փոփոխություններ, որոնք ոչ մի լուրջ բանի չեն հանգեցնում: *Худая слава что без кафтана Савва; тот мудрён, у кого кафтан ядрён* դարձվածքներում. նշանակում է «գնահատել միայն արտաքին տեսքով»:

Հայերենում *շափնջի* (*jarundza*, փոխառություն թուրքերենից) [2, էջ 248] և *կապա* (*qaba* փոխառություն արաբերենից) [4, էջ 493]

հագուստների անվանումները նույնպես պատմաբաներ են, որոնք հայերեն դարձվածքներում չեն հանդիպում:

Հայերենում դարձվածքներ կան բառապաշարի ժողովրդախոսակցական շերտին պատկանող *փափախ* (*parak* փոխառություն թուրքերենից) [2, էջ 248]՝ *ոչխարի մորթուց կարված գլխարկ*, բառով և նշանակում է «տղամարդու արժանապատվություն, պատիվ», օրինակ՝ *գլխին փափախ դնել* – տղամարդու արժանապատվություն ունենալ, այն պահել, *փափախը ծուռ/լծեք դնել* – իրեն արժանապատիվ, նաև հոխորտ պահել, *գլխին փափախ տեսնել* – արժանապատիվ մարդ համարել, *գլխին փափախ ունենալ* – արժանապատվություն ունենալ, *փափախը գետնով տալ* – բռնած դիրքից ընկնել, *փափախը ծախել* – պատիվը զցել [3, էջ 1307]:

Տարբեր ժողովուրդների համար հագուստը, տարազը ոչ միայն վատ եղանակից պաշտպանվելու, այլև զարդարվելու, հասարակության մեջ ցուցադրվելու միջոց են եղել: Հագուստը շատ բան կարող էր պատմել այն կրողի մասին. որտեղի՞ց է նա, ի՞նչ տարիքի և դասի է, ամուսնացա՞ծ է, թե՞ ամուրի, ի՞նչ զբաղմունք ունի և այլն:

Համեմատվող լեզուների դարձվածային միավորներում օգտագործվող հագուստի անունները տարբերվում են իրենց ծագմամբ, բառակազմով, օգտագործման հաճախականությամբ, ոճական և զգացմունքային արտահայտչականությամբ:

Մեր կողմից առանձնացվել են հայերեն և ռուսերեն հագուստների և դրանց մասերի առավել հաճախ հանդիպող հետևյալ անունները պարունակող դարձվածքները.

տաբատ/վարտիք - *итаны/ брюки/ трусы*, շապիկ - *рубашка /сорочка*, գլխարկ/ լաչակ/ փափախ – *шапка/ шляпа, կոշիկ - сапог (сапоги)*, *башмак*, փեշ - *подол /юбка*, գրպան – *карман*, զոտի – *пояс, ремень*.

Հայերենը ռուսերենից է վերցրել «Դիմավորում են հագուստով, ճանապարհում են խելքով» սասցվածքը – «встречают по одежке, провожают по уму», որի հիմքում ընկած է հենց այն միտքը, որ հագուստը եղել է նյութական բարեկեցության, հասարակության որևէ դասին պատկանելու խորհրդանիշ:

Ռուսերենում առավելաբար հանդիպում են *рубашка/сорочка* (շապիկ/վերնաշապիկ), *итаны/брюки* (անդրավարտիք), *трусы* (վարտիք),

карман (*գրպան*) բառեր պարունակող դարձվածքները, որոնք հիմնականում ցույց են տալիս մարդու նյութական վիճակը:

Ռուսերենում հաճախ *շապիկ (рубашка)* բառն այն չափանիշն է, որով որոշվում են **մարդու նվազագույն եկամուտը, ֆինանսական հնարավորությունները՝** *оставить (оставлять) в одной рубашке; остаться без рубашки* [9, с. 438], *проигрывать (спускать, проигрываются) до (последней) рубашки* [9, с. 536]:

Ճապիկը նաև **հաջողության, անշահախնդրության խորհրդանիշ է՝** *родиться в рубашке (сорочке)* [7, с. 390] – հաջողակ, բախտավոր, *рубаха-парень* – անկեղծ, ազնիվ, անշահախնդիր մարդ [7, с. 227]:

Смирительная рубашка դարձվածքը ծագում է բժշկական (հոգեբուժական) եզրույթից՝ նշանակելով «շարժվելու կարողությունը զրկող զսպաշապիկ»:

Հայերենում շատ են շապիկ բառ-բաղադրիչով դարձվածքները, որոնք նշանակում են.

անբաժան շապիկ – մեկին միշտ ուղեկցող [3, էջ 995], կրակե շապիկ – անբաժան մորմոքեցնող հանգամանք, այսքան շապիկ մաշած լինել – մեծ լինել, կենսափորձ ունենալ [3, էջ 995], վերջին շապիկը ծախել – ողջ ունեցածը տալ, ամեն նյութական զոհողության պատրաստ, շապիկը կարճ – խելապակաս, շապիկը կհանի, կտա – բարեգութ, մեկի վրային շապիկը հանել-դաժանորեն կեղեքել, շապիկի պես փոխել – վարքագծում հաստատ չմնալ [3, էջ 996], շապիկը մորուց իմանալ – մեկին հիմնովին ճանաչել, մի շապիկի մեջ մեծացած/քնած լինել – մտերիմ ընկերներ լինել, շապիկը հինգնել – մի կերպ ապրել [5, էջ 460]:

Հայերենը ռուսերենից է փոխառել *շապիկով ծնվել* – *родиться в рубашке (сорочке)* [8, с. 390] – *հաջողակ, բախտավոր լինել* դարձվածքը, որին համարժեք է նաև հայերեն *բախտավոր աստղի տակ ծնվել* [5, էջ 99] դարձվածքը:

Ռուսերենում հաճախ են հանդիպում միևնույն **աղբատություն, չքավորություն** իմաստով *անդրապարտիք (штаны) և վարտիք (трусы)* բառերի կիրառություններ դարձվածքներում՝ *оставить в одних штанах, оставить в одних трусах* – *աղբատացնել*, *проиграться до последних штанов, проиграться до последних трусов* – *աղբատանալ*:

Ծայրահեղ աղբառ մարդ, որը, սակայն, ձգտում է ներկայանալի երևալ իմաստով է գործածվում *արդրավարտիք (штань)* բառը *без штанов* ռուսերեն դարձվածքում:

Վարքագիծ, կենսակերպ է ցույց տալիս *трясти штанами* (տղամարդկանց մասին) [10, с. 543] դարձվածքը, որ նշանակում է «անբարո կյանք վարել»։ կանանց դեպքում նույն իմաստով գործածվում է *трепать юбки* (վերաբերում է միայն կանանց) [8, с. 481] դարձվածքը:

Հայերենում թուրքերենից ժողովրդախոսակցական բառաշերտին անցած *շարվար* և գրական բառաշերտին պատկանող *տաբատ, վարտիք* բառեր պարունակող մի շարք դարձվածքներ կան՝ շավարը լցնել //կեղտոտել// թրջել – ահ ու դողի մեջ ընկնել, շավարը չի կարողանում կապել – ինքնուրույն գործելու ընդունակ չէ, շավարը մուկ ընկնել – չիմանալ՝ ինչ անել [3, էջ 993], տաբատը երկարիլ – իրեն շատ արտոնյալ զգալ, երկար տաբատը կարճացնել – նվազեցնել սահմանափակել, տաբատը մաշել – մի տեղ տևաբար նստել [3, էջ 1244], թույլ վարտիք – անկամ,կորով չունեցող մարդ [3, էջ 1230], վարտիքը թրջել – ահով բռնվել, առանց վարտիքի – աղբատ, վարտիքի մեջ պահել – հեռու չթողնել, կնոջ վարտիքը մտնել- կնոջ կամքով շարժվել,տղամարդու դիրք չունենալ [3, էջ 1232]:

Ռուսերենի՝ հագուստների անուններ պարունակող դարձվածքներում հաճախադեպ են *шапка, шляпа* բառերով կազմությունները՝ *снимать(снять) шляпу* (перед кем-нибудь) [11, с. 503] – *հարզանքի տուրք մատուցել*, *ломать шапку* (перед кем-нибудь) [7, с. 362] – *ցածրանալ*, *иншапшанаш*, *пустить шапку по кругу* [11, с. 440] – *ինչ-որ մեկի օգտին դրամ հավաքել*, *под шапочный разбор* [8, с. 377] – *հասնել վերջում*, *шапочное знакомство* [8, с. 532] – *հպանցիկ ծանոթություն*, *давать по шапке* [8, с. 124] – *հեռացնել, վռնդել*, *кинуть шляпу в воздух* [11, с. 237] – *տրախանալ, ցնծալ*, *дело в шляпе* [8, с. 132] – *ամեն ինչ կարգին է*:

Ռուսերենի *тяжела ты, шапка Мономаха* դարձվածքն ունի պատմական ծագում: Խոսքը, ըստ ավանդության, Կիևի մեծ իշխան Վլադիմիր Մոնոմախին պատկանող թագի մասին է, որը խորհրդանշում է թագավորի իշխանությունը [11, с. 593]:

Հայերենը ռուսերենից վերցրել է վերոնշյալ դարձվածքը՝ *ծանր է Մոնոմախի գլխարկը* տարբերակով [3, էջ 298], որ նշանակում է «մեծ

բեռ, պատասխանատու պարտականություն»։ Հայերենն ունի նաև *ծանր գլխարկ* – դժվարին հանձնարարություն [3, էջ 625] դարձվածքը, որ կարող է համարժեք համարվել վերոնշյալին։

Հայերենում *գլխարկ* բառով կազմված դարձվածքները հիմնականում **պատիվ, հարգանք** են նշանակում՝ *գլխարկը հանել*// խոնարհել – հարգանք, ակնածանք արտահայտել, *գլխարկը գետնով տալ* – պատիվը գցել, ամոթալի վիճակի մեջ գցել [3, էջ 531]։

Հայերենում կան *լաշակ* (lacak, փոխառություն պարսկերենից) [1, էջ 265]՝ *գլխանոց, քող*, բառով բաղադրված դարձվածքներ, որոնք նշանակում են «**կնոջ պատիվ, բարոյականություն, նաև կնաբարո տղամարդ**»՝ *լաշակ չունենալ* – անամոթ լինել, *լաշակը ծառին գլուխը ելլել* – պատիվը, մաքրությունը կորցնել, *լաշակ կապել* – կին դառնալ, կնաբարո լինել. տղամարդուն ուղղված արհամարհական արտահայտություն է, *լաշակս գլխին* – արհամարհական արտահայտություն տղամարդու վերաբերյալ, *լաշակը գլխին ընկնել* – որբևայրի դառնալ [5, էջ 260]։

Փափախ՝ ոչխարի մորթուց կարված գլխարկ (*parak* փոխառություն թուրքերենից) [4, էջ 493] *քառապաշարի* ժողովրդախոսակցական շերտին պատկանող բառով հայերենն ունի մի շարք դարձվածքներ, որ նշանակում են «**տղամարդու արժանապատվություն, պատիվ**»՝

գլխին փափախ դնել – տղամարդու արժանապատվություն ունենալ, *փափախը գետնով տալ* – բռնած դիրքից ընկնել, *փափախը ծախել* – պատիվը գցել, *փափախը ծուռ/թեք դնել* – իրեն արժանապատիվ, նաև հոխորտ պահել, *փափախը պոզին դնել* – գոռոզանալ, *մի փափախի տակ դնել* – նույն շարքին դասել, տարբերություն չդնել, *գլխին փափախ տեսնել* – արժանապատիվ մարդ համարել, *գլխին փափախ ունենալ* – արժանապատվություն ունենալ [3, էջ 1307]։

Դիտարկենք *կոշիկ* բառ-բաղադրիչ պարունակող դարձվածքները հայերենում և ռուսերենում։

Ռուսերեն դարձվածքներում առանձնանում են կոշիկի, նրա տեսակների, մասերի անվանումներով դարձվածքներ՝ *сапог(сапогу)*, *башимак*, *валенок*, *галоши*, *штиблеты*, *тапочки*, *сандалиш*, *каблук*¹,

¹ *Каблук* - ռուսերենը փոխառել է թուրքական լեզուներից. հանդիպում է՝ XVI դարից սկսած։ Կազմված է արաբերեն *к'ab* – կրունկ արմատի ածանցմամբ։

лапоть, портянки (портянка), стельки, шпильки: Դրանցից շատերն այսօր պատմաբաներ են, որովհետև նշում են ոսոնամանի տեսակներ, որոնք այլևս չեն կրում, սակայն այս բառերով կազմված դարձվածքները շարունակում են մնալ ռուսերենի ակտիվ բառապաշարում, քանի որ նրանց արտահայտած իմաստներն այսօր էլ արդիական են. նշում են «**մարդու կենսակերպ, վարքագիծ**»՝ *в сапогах (сапожках) ходит* [11, с. 569] – շատ թանկ մի բան, 2. դժվար ճարվող մի բան, *два сапога – пара* [8, с. 408] – իրար նման, *садиться в галошу* – պարտվել, անհարմար իրավիճակում հայտնվել, *посадить в галошу* – անհարմար վիճակի մեջ դնել, *под каблуком /башимаком /кого-либо, чьим-либо, у кого-либо* [8, с. 188] – կախվածության մեջ, ենթակայության տակ լինել (հիմնականում կնոջ): Վերջինս համարժեք է *держаться за бабью (мамкину) юбку* դարձվածքին, որ ասվում է թուլամորթ տղամարդկանց մասին: Այս դարձվածքն իր հերթին համարժեք է հայերենի *կնոջ վարտիքը մտնել* – կնոջ կամքով շարժվել, տղամարդու դիրք չունենալ [3, էջ 1232] դարձվածքին:

Հայերենում *կոշիկ* (*kafsik*, փոխառություն պարսկերենից) [2, էջ 687] բառ-բաղադրիչ պարունակող դարձվածքները ցույց են տալիս **շարժում, արագություն, հարմարություն՝**

մեկուն կոշիկ հագցնել- մեկից առաջ ընկնել, *շատ կոշիկ մաշել* – շատ քայլել, գնալ-գալ, *կոշիկների մեջ աղ ցանել* – շտապեցնել, հասկացնել, որ գնա, ճանապարհ դնել, *կոշիկը նեղ գտնել* – իրեն հարմար չհամարել, *կոշիկից վեր էլնել* – իր հասողությունից վեր բաների մասին դատել:

Հայերենում *ոտնաման* բառով դարձվածքներ չկան, սակայն Պ. Բեդիրյանի «Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան»-ի 1031-րդ էջում հանդիպում ենք *ոտուց աման* դարձվածքին, որ նշանակում է «կյանքի անբաժան ընկեր» [3, էջ 1031]:

Թե՛ ռուսերենում և թե՛ հայերենում շատ են հագուստների մասերի անվանումներով կազմված դարձվածքները: Դրանցից հատկապես առանձնացնենք *карман – գրպան, подол – փեշ, пояс – գոտի* բառ-բաղադրիչներ պարունակող դարձվածքները:

Ռուսերենում *карман* բառով բաղադրված դարձվածքները ցույց են տալիս **Ֆինանսական տարատեսակ հարաբերություններ, վիճակ:**

Հարստություն են խորհրդանշում՝ полный (тугой) карман [8, с. 195], толстый (тугой) карман [8, с. 195], набить карман [8, с. 259] դարձվածքները:

Աղքատություն են խորհրդանշում՝ ветер в кармане гуляет [12, с. 57], ветер свистит в кармане [8, с. 195], в кармане вошь на аркане [12, с. 80], карманная чахотка [8, с. 517], пустой (тощий) карман [12, с. 232] դարձվածքները:

Տարատեսակ հատկանիշներ և հարաբերություններ են խորհրդանշում՝ болеть за свой карман [12, с. 32]- ազահություն, карманные дела [12, с. 143] – փողի մասին մտահոգություն, *вытрясти карман* (кого-либо, чей-либо) [10, с. 227] – ծախսել, *выворачивать карман* [11, с. 199] – ծախսել վերջին միջոցները, *из собственного кармана* [12, с. 232] – հոգալ սեփական միջոցներով, *не по карману* [8, с. 195] – սեփական հնարավորություններից դուրս, *из государственного кармана* [12, с. 232] – պետության հաշվին, *ударить (бить) по карману* [8, с. 36] – նյութական վնաս պատճառել *лазить по карманам* ֆինանսական հարցերով զբաղվել [12, с. 274], *за словом в карман не лезет (не ходит)* – խոսքում ճարպիկ [8, с. 195], *жить по карману* [12, с. 232] – ապրել սեփական միջոցներին համապատասխան դարձվածքները:

Հայերենում ևս *գրպան* բառը ֆինանսական տարատեսակ հարաբերությունների, վիճակի, հարստության, աղքատության խորհրդանիշ է:

Հարստություն են խորհրդանշում՝ գրպանը լիքը – հարուստ, գրպանը լցնել /հաստացնել – հարստանալ, հարստացնել [3, էջ 363], տռուզ գրպան – մեծ փողեր վաստակած [5, էջ 178], գրպանները յուրդոտել – հարստանալ [3, էջ 364] դարձվածքները:

Աղքատություն են խորհրդանշում՝ գրպանում մկներ խաղալ/պարել – աղքատ լինել գրպանը դատարկ -բոլորովին անփող, գրպանում քամի խաղալ – աղքատ լինել [5, էջ 178] դարձվածքները:

Առատաձեռնություն, շռայլություն են խորհրդանշում՝ գրպանը ծակ – վատնող, գրպանը բաց անել – առատաձեռնորեն ծախսել, գրպանը լայն բացել – ոչինչ չխնայել, ծախսել [3, էջ 362] դարձվածքները:

Ֆինանսական միջոցների ծախսում, յուրացում են խորհրդանշում՝ գրպանը դնել-յուրացնել, գրպանել [3, էջ 361-362], գրպանը անցնել – մեկի սեփականությունը դառնալ [5, էջ 178], գրպանը

դատարկել //գրպանը թեթևացնել – մեկին ծախսի տակ զցել, ծախսել ամբողջ դրամը, գրպանը մնալ – յուրացվել, գրպանը մտնել – 1. գողանալ, 2. բաժին ստանալ, օգտվել գրպանը սրբել – մեկի փողերին տիրանալ, գրպանը քանել–անանկացնել, մինչև վերջին կոպեկը ծախսել, գրպանին դիպչել/խփել, հարվածել/ – նյութական վնաս պատճառել [5, էջ 178] դարձվածքները:

Քիչ չեն *գրպան* բառ- բաղադրիչով դարձվածքների կառուցվածքային և իմաստային համընկնումները հայերենում և ռուսերենում: Համարժեք են *խուքի համար գրպան չմտնել* և *за словом в карман не лезет (не ходит)* – խոսքում ճարպիկ, *գրպանում քամի խաղալ* և *ветер свистит в кармане* – աղքատ, *գրպանը դատարկ* և *пустой карман* – աղքատ, *գրպանին դիպչել/խփել/* և *ударить (бить) по карману* – նյութական վնաս պատճառել դարձվածքները: Հայերենում *գրպանին դիպչել/խփել/* դարձվածքն ունի նաև *նյութական պատիժ կիրառել* իմաստը [3, էջ 363]:

Ռուսերենում *подол-փեշ* բառով դարձվածքները շատ չեն՝ *держатся за бабю юбку նույնն է держатся за подол* – կնոջը ենթարկվող տղամարդ, *вертеть подолом նույնն է трещать юбки* – թեթևաբարո կին: Վերջինս հայերենում համարժեք է *փեշեն ծուռ/կորած, փեշը գլուծը գցած, փեշը կեղտոտ* – դարձվածքներին, որ նույնպես նշանակում են «անբարոյական կին»:

Հայերենում *փեշ* բառով դարձվածքները շատ են: Սրանք **խորհրդանշում են մարդկային տարաբնույթ հարաբերություններ՝ հուզմունք, իշխանություն, կապվածություն, խնդրանք, քծնանք, զիջում, սիրահարվածություն** և այլն, ինչպես՝ *մոր փեշեն եղած* – հազիվ ծնված, *փեշերը բռնել* – հուզվել, *փեշեն չգատվել // փեշը բաց չթողնել* – կայել, պոկ չգալ, *փեշի տակ մտնել* – ծվարել, *փեշերը վրա բերել* – մի ավարտի գալ, ծայրի հասնել, *փեշերը տարածել* – իշխանությունը ծավալել, *փեշը քաշել* – գսպել, *փեշերը հավաքել* – պատրաստվել մի բան անելու, *փեշերը քշտել* – եռանդագին գործի անցնել, *փեշերն ընկնել* – խնդրել, աղաչել, *փեշերը լիզել* – քծնել, *փեշից կախ ընկնել* – մեկից չպոկվել, *փեշերի տակ թաքնվել/ փեշը բռնել* – ապավինել, *փեշերի շուրջը պտտվել* – սիրահարվել, *փեշի քարը թափել* – զիջել, *փեշը թափ տալ* – հրաժարվել, հեռանալ, *փեշը կարճ* – խելքից պակաս [3, էջ 1308]:

Հայերենի *փեշը դաշտարկ – աղբատ և փեշը ծակ – շոայ* դարձվածքները դարձվածային տարբերակներ են կազմում *գրպանը դաշտարկ և գրպանը ծակ* դարձվածքների հետ:

Հայերենի *գրպանը դաշտարկ* և ռուսերենի *пустой карман* դարձվածքները համընկնում են կառուցվածքով և իմաստով: *Շոայ* բառի դիմաց ռուսերենը գործածում է *держать карман шире* դարձվածքը:

Ռուսերենում *пояс, ремень – գոտի* բառով դարձվածքները քիչ են՝ *кланяться в пояс* – կռանալ [12, с. 398], *заткнуть за пояс* – գերազանցել ինչ-որ մեկին, ցույց տալ իր առավելությունը [12, с. 398], *затягивать ту же ремень/пояс* – պատրաստվել սովի և այլ գրկանքների [11, с. 252]:

Հայերենում, ի տարբերություն ռուսերենի, *գոտի* բառ-բաղադրիչով դարձվածքները քիչ չեն. սրանք **խորհրդանշում են ինչպես լավ ապրուստ, այնպես էլ աղքատություն, դժվարություններ՝ գոտին թուլացնել** – պահանջները նվազեցնել, *գոտին լայն կապել*- լավ ապրուստ ունենալ, *գոտին լեցնել* – վաստակել, կուտակել, հարստանալ, *գոտին պնդացնել* – կուշտ ուտել, փորը կշտացնել [3, էջ 353], *գոտին ձգել* – նյութական դժվարություն քաշել, չարքաշ ապրել [3, էջ 353]:

Հայերենի *գոտին ձգել* դարձվածքը համարժեք է ռուսերենի *затягивать ту же ремень դարձվածքին*. երկուսն էլ նշանակում են «նյութական դժվարություններ»:

Ամփոփում:

Հազուստի անուններով դարձվածքների՝ որպես մշակութային տեղեկատվություն կրող միավորների քննությունը ցույց տվեց, որ հազուստի անուններով ռուսերեն դարձվածաբանական միավորներում կարևոր դեր է խաղում դեռտատիվ՝ նախատիպային նշանակությունը: Դարձվածաբանական այս միավորներն իրենց բառապաշարում պարունակում են նյութական մշակույթի ոլորտի տարբեր այն հազուստի մասին, որը ռուսները կրում էին առաջ կամ կրում են ներկայումս: Ռուսական հազուստի մի շարք անվանումներ հայերենի համեմատությամբ ոչ համարժեք կամ ոչ լրիվ համարժեք են, ինչը ռուսական դարձվածաբանական միավորների իմաստներին հաղորդում է ազգային և մշակութային ինքնություն: Բացի այդ՝ դարձվածաբանական միավորները պարունակում են տեղեկատվություն հայկական և ռու-

սական իրականության մեջ հագուստի օգտագործման մասին: Նախատիպային իրավիճակը, որը համապատասխանում է դարձվածաբանական միավորների բառային իմաստին, շատ դեպքերում վերականգնվում է պատմական և ստուգաբանական բառարանների օգնությամբ:

Ռուսերենի՝ հագուստի անուններով մեր կողմից առանձնացված դարձվածաբանական միավորների թեմատիկ խմբերը իմաստային և կառուցվածքային նմանություն են գտել հայկական շատ դարձվածքների հետ, բայց ոչ բոլոր դեպքերում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՑԱՆԿ

Տեսական գրականություն

1. *Բաղիկյան Խ.*, Ժամանակակից հայերենի դարձվածային միավորները, Ե., 1986:
2. *Բաղիկյան Խ.*, Դարձվածային ոճաբանություն, Ե., 2000:
3. *Գևորգյան Ե.*, Հայերենի դարձվածքները, Ե., 1969:
4. *Մուրվաչյան Ա.*, Հայոց լեզվի դարձվածաբանություն և բայակազմություն, Ե., 1959:

Բառարաններ

1. *Աճառյան Հ.*, Հայերեն արմատական բառարան, հ.Ա, Ե., 1926:
2. *Աճառյան Հ.*, Թուրքերենէ փոխառեալ բառերը Պօլսի հայ ժողովրդական լեզուին մէջ համեմատութեամբ Վանի, Ղարաբաղի և Նոր Նախիջևանի բարբառներուն, Ե., 1902:
3. Բեդիրյան Պ., Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան, Ե., 2011:
4. *Մալխասյանց Ս.*, Հայերեն բացատրական բառարան, Ե., 1944:
5. *Մուրվաչյան Ա.*, *Գալստյան Ս.*, Հայոց լեզվի դարձվածաբանական բառարան, Ե., 1975:
6. *Бирях А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. М.: Астрель, 2007.
7. *Васильев А.И.* Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. В двух томах. Том 2. Стерлитамак: Фобос, 2019.

8. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
9. *Степанова М. И.* Фразеологический словарь русского языка. СПб.: Виктория плюс, 2023.
10. *Тихонов А. Н., Ломов А. Г., Ломова Л. А.* Фразеологический словарь русского языка. М.: Просвещение/Дрофа, 2014.
11. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008.
12. *Федосов И.В., Лапицкий А.Н.* Фразеологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАНИЕ АРМЯНСКИХ И РУССКИХ ИДИОМ СО СЛОВАМИ-КОМПОНЕНТАМИ ОДЕЖДЫ ИЛИ ЕЕ ЧАСТЕЙ

Р. П. ДЖУЛФАЯН, Г. Л. ХАЛАТЯН

АГПУ им. Х. Абовяна

Фразеологические единицы со словами-компонентами одежды или ее части представляют собой образные эмоционально-оценочные подходы национального мировоззрения. Создаётся внутренний стереотип, содержащий основную информацию, который отражает народную культуру. В статье проводится сравнительная характеристика армянских и русских фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов-компонентов, называющих одежду или ее части, подчеркивается, в каком из сопоставляемых языков чаще встречаются фразеологизмы с названиями одежды и составляющих ее частей, приводятся национальные обоснования названий, формирующихся разговорной речи.

Ключевые слова и выражения: компоненты, называющие одежду, слова-компоненты, называющие части одежды, особенности культуры, слова, не имеющие эквивалента, слова, не имеющие частичного эквивалента, единицы, несущие культурную информацию.

**A COMPARATIVE EXAMINATION OF ARMENIAN AND RUSSIAN
IDIOMS WITH WORD-COMPONENTS OF CLOTHES OR ITS PARTS****R. JULFAJAN, G. KHALATYAN****Kh.Abovyan ASPU**

Phraseological units with word-components of clothes or its parts represent pictorial emotional and evaluative approaches to people's worldview. An internal stereotype is created that contains basic information which reflects folk culture. In our article, we have tried to give a comparative description of Armenian and Russian phrases with word-components of clothes or its parts emphasizing in which language are most often found idioms composed with clothes or its parts and what is the justification of its folk characteristics.

Key words: *components naming clothing, component words naming parts of clothing, cultural features, words that do not have an equivalent, words that do not have a partial equivalent, units carrying cultural information.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 26 февраля 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 27.04.2024.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ «АШХАРАЦУЙЦА» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРЕВОДЕ ПРОФЕССОРА ЕГУ А. Ж. АРУТЮНЯНА

С. В. ТЕЛЕПЕНЬ

Мозырский государственный пед. университет
им. И.П. Шамякина, Республика Беларусь
telepen_serg@mail.ru

Одной из важнейших задач современной культуры является публикация переводов произведений различной направленности, в том числе национальных исторических памятников. В статье предлагается ознакомительная информация с уникальной книжной новинкой – переводом на русский язык известного средневекового памятника армянской культуры.

Ключевые слова: *Ашхарацуйц, армянская география, армянское средневековье, Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци..*

В 2023 г. в Белгороде был издан армянский историко-географический памятник V–VII вв. «Ашхарацуйц» («Показ мира» или «Карта мира», на арм. также «Армянская география») Мовсеса

Хоренаци и Анании Ширакаци в переводе на русский язык профессора ЕГУ Акопа Жораевича Арутюняна (**Ашхарацуйц (Армянская география) V–VII вв. Мовсеса Хоренаци и Анании Ширакаци. Перевод, комментарии и примечания А.Ж. Арутюняна. – Белгород: Изд-во «ЗЕБРА», 2023. 184 с.**).

Доктор исторических наук, профессор А.Ж. Арутюнян не только выполнил полный перевод этого важного источника, но и снабдил издание обстоятельным предисловием, а также дал подробные комментарии, число которых в книге составило 1070. Здесь же имеются необходимые для понимания текста приложения. Отметим, что профессор А.Ж. Арутюнян к настоящему времени опубликовал в зарубежных научных изданиях более 40 статей об «Ашхарацуйце», часть которых издана в журналах, входящих в наукометрическую базу «Scopus».

В своём предисловии А.Ж. Арутюнян четко обосновывает «двойное» авторство «Ашхарацуйца», принадлежащее как перу историка V в. Мовсеса Хоренаци, так и географа VII в. Анания Ширакаци. Профессор приводит убедительные аргументы в пользу авторства каждой из глав древнеармянского источника. Учёный рассматривает вопросы географической ориентации «Ашхарацуйца» и даёт предварительную информацию о содержания данного памятника.

«Ашхарацуйц» – это, очевидно, первое историко-географическое сочинение в армянской литературной традиции, анализ которого позволяет понять, в каком виде находились исторические знания в Армении данного периода. Кроме того, труд Хоренаци и Ширакаци достаточно полным образом отражает то, как в образованной среде Армении V–VII вв. исторические знания соединялись с естествознанием.

А.Ж. Арутюнян доказывает, что «Ашхарацуйц» вначале был создан как историко-географический памятник, однако впоследствии, после дополнений, внесенных в текст Ананией Ширакаци, эти науки «поменялись местами». Если Хоренаци хотел, чтобы ученики армянских школ имели общее представление о политической карте мира, то Ширакаци руководствовался иными мотивами. После его дополнений получился учебник по страноведению, где комплексно

рассмотрены почти все известные государства и территории того времени, обобщены имеющиеся данные об их природе, населении, экономике, культуре, социальной организации и многое другое. Текст «Ашхарацуйца», написанный Хоренаци, был назван «сокращенным» или «сжатым», а дополненный вариант Ширакаци стал определяться как «расширенный», при этом он имел уже ярко выраженный географический уклон.

В «Ашхарацуйце» есть две вводные главы, автором которых, как аргументированно заключает А.Ж. Арутюнян, является Ширакаци. Следующие три главы посвящены описанию пятидесяти восьми стран мира. Из последних двенадцать – страны Европы, восемь – Африки и тридцать восемь – Азии. Описание охватывает пространство от Британии и Испании на западе до Китая на Дальнем Востоке; на юге представлены государства и территории вплоть до Эфиопии включительно.

«Ашхарацуйц» можно считать не только кратким изложением политической карты мира V–VII вв. Здесь также упомянуты многие известные государства, существовавшие до V в., с их географическими особенностями и природными ресурсами. Соответственно, А.Ж. Арутюнян обоснованно подчеркивает, что «Ашхарацуйц» является чрезвычайно важным источником для тех, кто изучает историческую географию территорий и государств, представленных в этом сочинении.

Необходимо отметить, что попытки перевода «Ашхарацуйца» уже имели место в мировой науке. В 1992 году на английском языке были опубликованы краткие и полные версии «Ашхарацуйц» в переводе американского специалиста по исторической географии древней Армении Роберта Хьюсена (Robert H. Newsen или Хьюсенян, арм. Հյուսենյան; 1934-2018 гг.). Мы полагаем, что русский перевод данного памятника, предложенный профессором А.Ж. Арутюняном, выполнен на существенно более высоком уровне. Данное издание, несомненно, восполнит серьезный пробел, существующий в области переводов текста древнеармянского источника.

Хочется также сказать, что мы неоднократно наблюдали объяснимое сожаление учёных соседних стран, сетовавших на то, что «Ашхарацуйц» до сих пор не переведен на русский язык полностью.

Это при том, что ещё в 1877 г. краткая версия «Ашхарацуйц» на русском языке была опубликована известным арменоведом К.П. Паткановым. Представляется очевидным, что наличие полного перевода еще больше расширит круг ученых, исследующих этот важнейший памятник раннесредневековой мысли Армении.

Добавим, наконец, что два редактора книги (Н.Н. Болгов и Э.Ш. Хуршудян) и три рецензента (С.С. Казаров, А.В. Подосинов, О.Ю. Климов) – известные ученые России и Казахстана, пользующиеся большим международным авторитетом, дают высокую оценку труду А.Ж. Арутюняна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашхарацуйц (Армянская география) V–VII вв. Мовсеса Хоренаци и Анании Ширакати. Пер., комм., прим. А.Ж. Арутюняна. – Белгород: Изд-во «ЗЕБРА», 2023. 184 с.

REFERENCES

1. Ashkharatsuyts (Armyanskaya geografiya) V–VII vv. Movsesa Khorenatsi i Ananii Shirakatsi. Per., komm., prim. A.Zh. Arutyunyana. – Belgorod: Izd-vo «ZEBRA», 2023. 184 s

«ԱՇԽԱՐԱՑՈՒՅՑ»-Ի ԱՌԱՋԻՆ ԱՄԲՈՂՋԱԿԱՆ ՀՐԱՏԱՐԱԿՈՒՄԸ ՌՈՒՄԵՐԵՆ ԵՊՀ ՊՐՈՖԵՍՈՐ Ա. Ժ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆԻ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅԱՄԸ

Ա.Վ. ՏԵԼԵՊԵՆ

Ի.Պ. Շամյակինի անվան Մոզրիի պետական մանկավարժական համալսարան

Ժամանակակից մշակույթի կարևորագույն խնդիրներից է տարբեր տեսակի ստեղծագործությունների, այդ թվում՝ ազգային պատմական հուշարձանների թարգմանությունների հրատարակումը: Հոդվածում ներկայացված են տեղեկատվական եզակի գրքային նորության՝ հայ միջնադարյան մշակույթի հայտնի հուշարձանի ռուսերեն թարգմանության մասին:

Բանալի բառեր՝ Աշխարհագրույց, Հայոց աշխարհագրություն, Հայոց միջնադար, Մովսես Խորենացի, Անանիա Շիրակացի:

**THE FIRST COMPLETE EDITION OF "ASHKHARATSUYTS" IN
RUSSIAN LANGUAGE TRANSLATED BY YSU PROFESSOR
A.Zh. HARUTYUNYAN**

S. V. TELEPEN

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

One of the most important tasks of modern culture is the publication of translations of works of various directions, including national historical monuments. The article offers introductory information on a unique book novelty – a translation into Russian of a famous medieval monument of Armenian culture.

***Key words:** Ashkharatsuyts, Armenian geography, Armenian Middle Ages, Movses Khorenatsi, Anania Shirakatsi.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 21 апреля 2024 г., подписана к печати в № 1 (118) 2024 30.05.2024.

ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ»

Статьи, публикуемые в нашем научно-методическом рецензируемом периодическом издании, должны быть представлены по следующему образцу.

К публикации принимаются статьи на русском, армянском и английском языках. Статьи представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде, а также присланные на электронную почту редакции. К статье должна прилагаться следующая информация:

1. Сведения об авторе – на трех языках (русском, армянском и английском):

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность;
- полное название места работы или организации, от которой выступает автор/авторы;
- контактная информация автора (телефон, электронный адрес и почтовый адрес).

2. Заглавие статьи должно быть представлено на трех языках – русском, армянском и английском.

3. Аннотация на русском, английском (Abstracts) и армянском (Շմբդիւմ) языках (не более 500 знаков с пробелами) должна кратко излагать проблематику статьи и ее основные выводы.

4. Ключевые слова на русском, английском (Key words) и армянском (Բնիւշիբ բառեր) языках (не более 5—10 слов) должны отражать основное содержание статьи.

5. Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1: Т. 1. С. 11] (или [1: I, 11]), [1: С.

20] (или [1: 11]). В список литературы вносятся только те источники, на которые есть ссылка в тексте статьи.

В тексте статьи ссылка приводится по порядковому номеру, указанному в библиографическом списке. Под одним номером допустимо указывать только один источник. При повторном цитировании: [Там же: С. 15].

6. Список литературы располагается после текста статьи, оформляется в алфавитном порядке, нумерация обязательна.

Библиографический список использованных источников приводится списком в алфавитном порядке в конце статьи (Литература) и после русскоязычной части на английском языке (References) ссылки необходимо транслитерировать на латинице, а иностранные источники привести в соответствие с требованиями транслитерации. Транслитерированные источники даются списком в соответствии с последовательностью источников из списка «Литература».

7. В список литературы включаются:

- монографии;
- материалы научных конференций, симпозиумов;
- научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках.

8. Ссылки на электронные ресурсы удаленного доступа должны содержать: название ресурса, режим доступа, дату опубликования или дату обращения.

Ссылки на статьи в сборниках (материалы конференций, симпозиумов) должны содержать: ФИО автора(-ов), название статьи, название сборника (конференции, симпозиума), город (место проведения), год, том (если указан), номер (если указан), страницы.

9. Объем рукописи – от 0,5 до 1,0 печатного листа (20-40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должен быть представлен в форматах doc (docx) или rtf и набираться шрифтом Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1,5. При использовании дополнительных

шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию вместе со статьей.

10. Примечания оформляются в виде подстраничных сносок.

Если в Примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в тексте статьи.

11. Аспирантам и соискателям для публикации в журнале необходимо представить заключение / рекомендацию научного руководителя или профильной кафедры вуза.

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

- А. Г. Варданян* Языковая картина мира и языковая личность в научной литературе.....3
- Л. Е. Маркосян* Предикаты положения: параметры идентификации.....11
- К. Г. Мурадян* Военно-политический дискурс как особый тип дискурса в ракурсе лингвистических манипуляций.....24
- С. З. Шейрамян* Армянская русистика сегодня.....31

Методика: Теория и практика обучения

- В. А. Григорян* Обучение РКИ: организация знаний в ракурсе вопросов методики описания фрейма..... 43
- М. А. Мидоян* Рекомендации по обучению фразеологизмов с деструктивными глаголами в армянской школе54
- Э. А. Бабаханян, А.Г Месропян* Интерактивные методы обучения синтаксису русского языка студентов-переводчиков гуманитарного вуза.....62
- М. З. Овакимян* Трудные фонетико-фонологические явления армянского и русского языков: постановка и коррекция звуков Ы и Щ.....74

У нас в гостях

- А. Р. Аракелян* Художественно-кинематографическая рецепция Ф. М. Достоевского как вероятная реальность.....89
- Р. П. Джулфаян, Г. Л. Халатян* Сравнительный исследование армянских и русских идиом со словами-компонентами одежды или ее частей.....98

Критика и библиография

- С. В. Телепень* Первое полное издание «Ашхарацуйца» на русском языке в переводе профессора ЕГУ А. Ж. Арутюняна.....112

От редакции

- Требования к оформлению научной статьи.....117

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Լեզվաբանություն

Ա. Գ. Վարդանյան	Աշխարհի լեզվական պատկերը և լեզվական անհատականությունը գիտական գրականության մեջ...3
Լ. Ե. Մարկոսյան	Դիրքի ստորոգիչներ. Նույնականացման բնութագրիչներ.....11
Կ. Գ. Մուրադյան	Ռազմաքաղաքական դիսկուրսը որպես հատուկ լեզվական մանիպուլացիաների տեսակ24
Ս. Չ. Շեղրանյան	Հայ ռուսագիտությունն այսօր.....31

Մեթոդաբանություն՝ Դասավանդման տեսություն և պրակտիկա

Վ. Ա. Գրիգորյան	ՌՕԼ-ի դասավանդման կազմակերպումը ֆրեյմերի նկարագրության մեթոդաբանության հարցերի տեսանկյունից.....43
Մ. Ա. Միրոյան	Այսպակառուցողական բայերով դարձվածաբանական միավորների ուսուցման ուղեցույցներ հայկական դպրոցում.....54
Է. Ա. Բաբախանյան, Ա. Գ. Մեարոսյան	Ռուսերենի շարահյուսության ինտերակտիվ ուսուցման մեթոդները համալսարանի թարգմանչական բաժնի ուսանողներին.....62
Մ. Չ. Հովակիմյան	Հայերենի և ռուսերենի բարդ հնչյունային-հնչյունաբանական երևույթներ. <i>Ճ</i> և <i>Մ</i> հնչյունների ձեվավորում ուղղում և տկում.....74

Մեր հյուրն է

Ա. Ռ. Առաքելյան	Ֆ.Մ.Դոստոևսկու գեղարվեստական ստեղծագործությունները եվ կինոյի ընկալումը որպես հնարավոր իրականություն.....89
Ռ. Պ. Չուլֆայան, Գ. Լ. Խալաթյան	Հայերենի եւ ռուսերենի՝ հագուստ կամ նրա մաս անվանող բառ-բաղադրիչներով դարձվածքների համեմատական քննություն.....98

Քննադատություն և մատենագիտություն

Ս. Վ. Տեղեպեկ	«Աշխարացույց»-ի առաջին ամբողջական հրատարակումը ռուսերեն ԵՊՀ-ի պրոֆեսոր Ա. Ժ. Հարությունյանի թարգմանությամբ.....112
----------------------	--

Խմբագրությունից

Գիտական հոդվածների ձևավորման պահանջներ117
---	----------

CONTENT

Linguistics

- A. G. Vardanyan** The Linguistic Picture of the World and the Linguistic Personality in the Scientific Literature.....3
- L. Y. Markosyan** The Positional Predicates: Parameters of Identification.....11
- K. G. Muradyan** Military-political Discourse as a Special Type of Discourse in the Perspective of Linguistic Manipulations.....24
- S. Z. Sheyranyan** Armenian Researches in Russian today.....31

Methodology: Theory and practice of teaching

- V. A. Grigoryan** RFL Training: the Frame Organization of Knowledge in Perspective Questions about the Frame Description Methodology.....43
- M. A. Midoyan** Recommendations for Teaching Phraseological Units with Destructive Verbs in Armenian School.....54
- E. A. Babakhanyan,
A. G. Mesropyan** Interactive Methods of Teaching Russian Syntax to Translator Students of a Humanitarian University.....62
- M. Z. Ovakimyan** Difficult phonetic-phonological Phenomena of the Armenian and Russian languages: Formation and Correction of the Sounds «Y» and «Shch».....74

Our guest

- A. R. Arakelyan** Artistic-Cinematographic Reception of F. M. Dostoevsky as a Possible Reality.....89
- R. P. Julfajan,
G. L. Khalatyan** Comparative Examination of Armenian and Russian Idioms with Word-components of Clothers or its Part.....98

Criticism and Bibliography

- S. V. Telepen** The First Complete Edition of "Ashkharatsuyts" in Russian Translated by YSU Professor A.Zh. Harutyunyan.....112

From the editor

- Requirements for the design of a scientific article**117

ВЫШЛИ В СВЕТ

Книга доктора филологических наук, профессора М.Д. Амирханяна посвящена 150-летию юбилею В.Я. Брюсова, которого справедливо называют «первооткрывателем армянской поэзии», как отмечает автор, «за весомый вклад в развитие российско-армянских литературно-общественных взаимоотношений, за пропаганду армянской духовной культуры в России, за пробуждение подлинного интереса к многовековой армянской литературе и культуре у русскоязычного читателя». Во второе дополненное издание включены опубликованные ранее статьи М.Д. Амирханяна – с дополнениями, возможной унификацией и уточнениями. Книга издана в РФ (Калининград: Страж Балтики, 2023).

Сборник Карине Аванян представляет собой цикл рассказов. Объединяет все рассказы главная героиня изложенных в книге интересных историй – Сонечка. Место и время действия выступают тем фоном, которые заставляют проникнуться уважением и любовью к людям и времени, в котором живут. Повествования о Сонечке легко читаются и по стилистике сродни с короткометражным фильмом. Огромную роль в творческом формировании Карине Аванян сыграла биография прозаика: родилась в Афганистане, в семье военного, жила в Москве, Тбилиси, Минске, США, сейчас – в Ереване. Разные культуры стран и городов переплетаются в образе Сонечки, вызывая добрые чувства у читателя. К творчеству писательницу подтолкнули прошедшие годы и опыт, полученный ею в разных профессиях. Так появляется первый признанный рассказ автора «Валасапед», получивший в организованном РАУ в 2018-м году Общеармянском конкурсе премию «Золотая Абрикосовая Косточка».